DK
269
L56r

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

О. ЛЕШКО

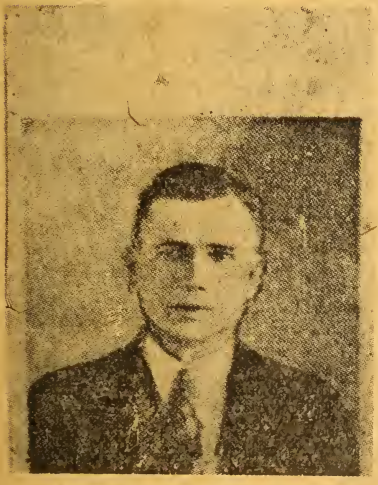
РУССКІЕ В МАНЬЧЖУГО

Русское Эмигрантское Бюро.

Отдѣленіе на ст. Пограничная

Б. Н. Шепунов
Начальник Отдѣленія
Бюро

Н. В. Рычков
Нач. 3-го Отдѣла



И. А. Вощилло
Н-к 1-го Отдѣла

Н. В. Меликов
Н-к канцеляріи

DK
269
L56г

ПРЕДИСЛОВІЕ.

В мартѣ 1932 года, в эпоху образованія нового государства Маньчжуго, Харбин был украшен большими плакатами, на которых, обнявшись, шли к прекрасному будущему четыре представителя населенія этой страны:

— Китец, кореец, японец и русскій...

Вѣдь Маньчжуго, как извѣстно, учреждалось на принципѣ «Открытых Дверей», на «принципѣ равных экономических возможностей».

Плакаты эти ласкали взоры русскаго населенія Харбина лишь сутки. На слѣдующее утро на всѣх плакатах фигура русскаго была замазана очень аккуратно красной краской; впрочем, с обратной стороны плакатов она была видна еще долго; об этом много говорили тогда в Харбинѣ, боялись, что это мрачное предсказаніе оправдается.

Оно оправдалось. Нынѣшій Харбин и полоса отчужденія К. В. ж. д.—новый Порт-Артур, из коего изгоняется все русское населеніе, бѣгущее в культурный и гостепріимный Китай - в Тяньцзин, Шанхай, Циндао... Обѣщаных возможностей работы в Маньчжуго хозяева этой страны-японцы не дали: — они не умѣют и не любят держать своих обѣщаній...

1020529

II

Впрочем, со своей шовинистической точки зрѣнія японцы правы: русскіе им крупная помѣха на Д. Востокѣ. Вот почему на плакатѣ Маньчжуго всѣ эти пять лѣт идет замазываніе кровью этой русской фигуры...

А как происходит это замазываніе—разскажет ниже подлинный человѣческій документ. Разскажет и то, что эта Каинова работа производится руками так наз. «Русских націоналистов», в своей простотѣ не понимающих, что они творят.

НАЧАЛО МАНЬЧЖУГО

В сентябрѣ 1931 года по ничтожному и необъясненному доселѣ поводу (оказался испорченным один рельс на ЮМжд) произошло вооруженное выступленіе японских войск в Мукденѣ, послужившее началом созданія Маньчжуго. К началу этих событій в Манчжуріи проживало, примѣрно, слѣдующее количество иностранцев:

Русских эмигрантов	100,000	человѣк.
Совѣтских подданных	80,000	„
Японцев	5,000	„
Прочих	3,000	„

В правовом и матеріальном положеніи русским эмигрантам послѣ по ери русскаго вліянія в Полосѣ Отчужденія К.В.ж.д жилось очень плохо, но все же злостнаго издѣвательства над ними со стороны китайцев не было. Многим китайцам была памятна прежняя Россія, многіе китайцы владѣли русским языком. При наличіи в характерѣ китайцев миролюбія и гостепріимства жизнь была терпимой; люди с иниціативой находили возможности примѣненія своих трудов и способностей.

Послѣ вооруженнаго выступленія в Мукденѣ, японцы устремились в Цицикарскую провинцію. Послѣ занятія этой провинціи стал на очереди для них вопрос о занятіи центра Сѣверной Маньчжуріи—Харбина.

Харбин жил в это время своеобразной жизнью. Китайскія власти организовывали здѣсь сопротивленіе японцам, китайскія газеты вели против них пропаганду. Наряду с этим на улицах можно было видѣть японских офицеров в формѣ. Японскіе дома, консульство и другія учрежденія обкладывались мѣшками с песком, окутывались колючей проволокой—готовились к вооруженным событіям. Японское воздухоплавательное общество устраивало аэродром, на который прилетали открыто военные японскіе аэропланы.

Китайское женское общество собирало средства на раненых китайских солдат, дравшихся в провинціи с японцами; японское женское общество дѣлало такіе же сборы в пользу японских солдат.

Харбин оставался пока в сторонѣ от зоны военных дѣйствій и японцы широко пользовались правами экстерриторіальности.

Всѣ без исключенія китайцы ненавидѣли японцев острой, племенной ненавистью; совѣтскіе подданные относились к ним подозрительно, сознавая, что создаются событія, чреватыя для них послѣдствіями. Прочіе иностранцы были очень сдержанны.

В этих сложных условіях японцам нужна была какая то моральная поддержка среди какой либо части населенія.

Зимой 1931 года японцами была выпущена газета на русском языкѣ—«Харбинское Время». В этой газетѣ обиженные судьбой и разочарованные русскіе эмигранты нашли столько дразнящих надежд... В ней поносилась Совѣтская Россія, вспоминалось величіе былой Россіи и говорилось так много о блестящих перспективах для русскаго населенія в будушем самостоятельном Маньчжурском государствѣ, гдѣ русскія культурныя силы будут широко использованы на благо этого государства, гдѣ русским будут предоставлены административныя должности до полицмейстера и прокурора включительно; что отзвуки маньчжурских событій дойдут до Совѣтской Россіи и там произойдут великія измѣненія и потрясенія. Не один раз газета выходила с заманчивым лозунгом:

«В Маньчжуріи будет земной рай».

Японская газета хотя и на русском языкѣ выражала чаянія оффиціальных японцев, русскіе же за чистую монету принимали все это для себя. Сколько радужных надежд загорѣлось в русских сердцах!..

Февраль 1932 года. Японцы занимают Харбин. Радостныя русскія лица, крики «Банзай!» и «Ура!» У японскаго консульства, в толпѣ русских появляется русскій національный флаг...

Через нѣсколько дней представители русских общественных организацій спѣшат заявить японскому командованію чувства лойяльности и восхищенія подвигами японских войск. «Харбинское Время» еще больше пишет о блестящих перспективах.

Газета «Русское Слово» в тон «Харбинскому Времени» продолжает фантазировать о грядущих событіях. Пишет о необходимости участія хотя маленькаго русскаго отряда совмѣстно с японцами в диверсіи против Сов. Россіи. Стали вспоминать всѣ ущемленія русских прав и обиды, нанесенныя русским китайскими властями. Нѣкій Ольгин в той же газетѣ «Русское Слово» писал в передовицѣ напоминаніе совѣтским служащим К.В.ж.д. о том, что если они до сих пор хорошо ѣли,—«а мы голодали», то теперь будет наоборот; не они нашим женам — кельнершам будут бросать полтинники, а «мы»!

Но японцы не принесли порядка в Маньчжурію.

Раіон Мадаощи—Пограничная находился под контролем так называмых «старо—гиринских войск», находившихся в состояніи войны с японцами. Всѣ свѣдѣнія об отношеніи русских эмигрантов к событіям, через статьи в русских газетах, доходили до мѣстных китайских властей, продолжавших еще борьбу против японцев. Закипѣла против русских злоба.

Послѣ занятія Харбина, японцы на Восточной линіи продвинулись лишь только до ст. Эхо; дальше, видимо

по дипломатическим соображеніям, не продвигались. На занятой линіи Харбин—Эхо в теченіи всего 1932 года японцы не были в состояніи установить какой либо порядок. В этих мѣстах находились к тому времени вооруженныя силы четырех группировок:

— японскія части, занимавшія маленькими гарнизонами нѣкоторыя желѣзнодорожныя станціи;

— старо — гиринскія части с красными повязками— враги японцев;

— ново—гиринцы с желтыми повязками, замиренные старо—гиринцы, официальные друзья японцев;

— и хунхузы, грабившіе кого придется.

Японцы, занимая какой либо поселок требовали выраженія лойяльности к себѣ от мѣстнаго населенія, а потом по стратегическим соображеніям уходили. Вступавшіе за ними старо—гиринцы начинали вымещать на жителях свою злобу. Старо—гиринцы переходили к ново—гиринцам и наоборот. Разной оріентаціи китайскіе солдаты переходили к хунхузам. Хунхузы же служили источником пополненія любых воинских частей.

Положеніе русскаго населенія на Восточной линіи стало невѣроятно трагическим: к совѣтским подданым относились подозрительно японцы; к русскими эмигрантам, за проявленіе симпатіи к японцам в Харбинѣ — китайцы. Русских грабили, убивали, уводили в плѣн, жгли дома и цѣлые поселки. До настоящаго времени проѣзжая станціи Шитоухэцзы, Хандаохэцзы и другія можно

видѣть торчащія развалины сгорѣвших домов, брошенныя жилыя помѣщенія с заколоченными окнами.

В этом раіонѣ жило много русских семей, занимавшихся мелким сельским хозяйством, огородничеством, пчеловодством, ягодными плантаціями, скотоводством.

Все было раззорено...

НА КОПЯХ «МУТ»

Эти событія застали меня на копях Мулинскаго Углепромышленнаго Товарищества (МУТ), китайско—русскаго предпріятія, находившихся в 64 километрах к сѣверу от раз. Сочинзы К.В.ж.д., в разстояніи менѣе суток ѣзды от Харбина.

Служил я в этом предпріятіи с 1924 года, с момента его образованія. За годы существованія копей к моменту Маньчжурских событій, копи представляли собой совершенно налаженную большую организацію, с большим штатом русских служащих (до 200 человѣк), прекрасно обезпеченных жалованіем и большими наградными (до 6 месячных окладов) послѣ окончанія удачных операціонных годов.

За долгіе годы совмѣстной службы всѣ служащіе представляли собой дружную сплоченную семью, и в дѣловой обстановкѣ, на службѣ, и в проведеніи своих досугов. Прекрасная природа, рѣка, почги нетронутая разнообразная дичь, давали большой простор для охотников, рыбаков и любителей природы. Лѣтом прекра-

щался интенсивный вывоз угля по желѣзнодорожной вѣткѣ—это время проводили в полуотдыхѣ, в условіях довольной, спокойной жизни. Собраніе служащих, обладая средствами, составило прекрасную библіотеку, безпрестанно пополнявшуюся всевозможными литературными новинками. Шумно и дружно праздновались святки, масляница, с маскарадами, вечерами. На Пасху столы ломились от яств и питій.

Кромѣ квартир служащим были предоставляемы безплатныя хозяйственныя услуги: баня, больница, лѣтом по праздникам дачные поѣзда.

Мулинскія копи представляли собой счастливый уголок в Маньчжуріи, гдѣ русскіе жили в благопріятной обстановкѣ.

СМЕНА ВЛАСТЕЙ

Здѣсь, к моменту отхода старо-гиринских войск под давленіем наступавших японцев, в концѣ 1932 года, разыгралась страшная трагедія среди русскаго населенія. Озлобленные отступающіе китайцы разграбили квартиры русских на копях, арестовали нѣсколько десятков русских служащих, убили священика о. П. Голіенко. Ими же были уведены в СССР секретарь конторы копей А. И. Рудых, горный десятник Д. А. Михалев, стрѣлочник И. И. Понявкин, кондуктор Федоров, псаломщик И. И. Кольцов, преподаватели И. Н. Павперов и Осипов, братья Харины и др.

В свое время вопрос этот был широко освѣщен в эмигрантской печати, и харбинской и парижской; жены уведенных хлопотали о возвращеніи своих мужей перед Лигой Націй.

Один из арестованных, стрѣлочник В. Э. Жилинскій (б. подполковник) покончил жизнь самоубійством, воткнув в сердце ножницы. Многіе спаслись случайно. Меня продержали арестованным в кандалах 4 дня и освободили за час до отступленія, уступая просьбам молившаго за меня моего сослуживца—китайца, зав. желѣзно-дорожным отдѣлом Чжао Чин-кая.

В ночь со второго на третье января 1933 года ушли послѣднія воинскія части гиринцев; 4 января на копи вступили японцы.

Деморализованному, испуганному русскому населенію, отсиживавщемуся в шахтах, хотѣлось вѣрить, что наступивщій 1934 год принесет успокоеніе. Стали прибывать на копи представители японскаго командованія, гражданских властей, комиссія по обслѣдованію экономических возможностей края и т. д. Начались знакомства, информаціи, банкеты. Заброшенное было собраніе вновь ожило, сервируются столы, играет виктрола. Принимаем побѣдителей, произносим тосты, рѣчи...

Как будто должна была наступить вновь спокойная, выбитая было из колеи жизнь.

Японскіе офицеры, очень милые, чистенькіе, маленькіе, с игрушечными шашечками, кланяющіеся с любезными улыбками люди, заводили с нами на различных европейских языках обыкновенные интеллигентскіе разговоры о Толстом, Достоевском... Снимались в группах вмѣстѣ...

Чтобы доставить нам удовольствіе, жалобными заунывными голосами пѣли они, притопывая в такт ногами, пѣсенку «Катюща каваи», посвященную героинѣ «Воскресенья» Катюшѣ Масловой, трогательно описывающую сибирскіе морозы и страданія этой женщины. Были даже случаи, когда наши милые гости гортанными голосами своими выводили: «Боже, царя храни!».

Среди этих пріятных встрѣч, как правило, обычно переводчик, поговорив со старшим офицером, задавал нам вопрос:

— А нѣт ли тут русских большевиков?

Мы честно отвѣчали, что нѣт, так как подавляющее большинство служащих состояло из эмигрантов, главным образом из бывших военных.

Жизнь сплошной поэзіи не переносит и на фонѣ этих милых встрѣч стали появляться тѣни: мы вскорѣ увидѣли настоящія лица японцев.

В квартиру зав. жел. дор. отдѣлом Чжао Чин-кай ночью вломился японец, потребовавшій русскую женщину. Чжао Чин-кай, прекрасно владѣющій японским

языком, долго доказывал пьяному невыполнимость его требованія. Японец повалил китайца на пол и стал избивать ногами, а затѣм стал ломиться в квартиру русскаго служащаго с тѣми же требованіями.

В собраніи служащих начались безобразія пьяных японцев, со скандалами, с безобразным поведеніем по адресу русских женщин.

Прищедшіе японцы порядка и умиротворенія не внесли. Всѣ окрестности кишѣли бродячими шайками хунхузов. Японцы для их уничтоженія, как это ни странно, мѣр никаких не принимали. Обычно, взяв в провинціи какой либо пункт, огораживали свое помѣшеніе колючей проволокой, выставляли посты. Тут же, вокруг этого поста бродили хунхузы, поддерживаемые из ненависти к японцам мѣстным населеніем.

Среди русских приход японцев принес разлад, желаніе выслужиться перед завоевателями любыми средствами, интриганство, взаимное озлобленіе. Сѣяли эти чувства среди русских—русскіе же, попавшіе на сыскную и полицейскую службу к японцам, и стремившіеся всѣми силами оправдать довѣріе своих новых хозяев.

Для этой цѣли, за рюмкой водки, они увѣряли довѣрчивых людей, что занятіе Маньчжуріи Японіей является лишь отдѣльным этапом грядущих событій, что в ближайшее время будет предпринят марш на Совѣтскую Россію, но для этого нужно помогать японцам,

нужно выискивать и ловить большевиков и масонов. Таким образом, создавались кадры добровольных сыщиков, принявших впослѣдствіи форму правильной организаціи.

РУССКОЕ НАЦІОНАЛЬНОЕ О-ВО

Вскорѣ стало извѣстно, что на копях по предложенію русских полицейских чинов Пограничeнскаго отряда, со ст. Пограничная часто пріѣзжавших на копи, организуется так называемое Русское Національное Общество.

В это общество вошли всѣ русскіе чины полицейской самоохраны прилегающаго к копям частного поселка и группа русских служащих, установивших тѣсный контакт с пріѣзжавшими из Пограничной полицейскими: инж. Б. Е. Гросман, С. А. Тарскій, Е. С. Титов, б. служащій В. С. Хохлов, работающій по сыску у японцев и др.

Отдѣленія этого общества помимо копей открылись на ст. Эхо, Мулин, Пограничная. Главным руководителем этого общества являлся старшій полицейскій Пограничeнскаго отряда Б. Н. Шепунов. Всѣ полицейскіе в этом раіонѣ обязаны были состоять в этом обществѣ, составляя как бы костяк его.

Задачи этого общества были довольно туманными: —отстаиваніе через него русским населеніем своих экономических интересов.

Внѣдреніе этого общества в среду служащих копей, обезпеченных постоянной службой и находивших удовлетвореніе всѣх своих запросов в рядѣ уже имѣвшихся организацій: в церкви с церковным совѣтом, в кооперативѣ, в сберегательно—вспомогательной кассѣ, в Собраніи (клубѣ) служащих с библіотекой—явилось дѣлом непонятным и непопулярным.

Стала чувствоваться отчужденность лиц, вошедших в новую организацію от остальной массы служащих.

В серединѣ марта начальник японскаго гарнизона прилегающаго к копям китайскаго города Лишунчжена капитан Нагата, вызвав русскаго управляющаго копями, заявил ему, что у него имѣются свѣдѣнія, что на копях ведется коммунистическая работа цѣлым рядом лиц. Эти лица были слѣдующія:

— Н. И. Брусіенко, заведующій горным отдѣлом, А. И. Лаврушин, исполняющій должность секретаря, А. И. Горбунов, горный десятник, И. И. Филиппов, старшій кондуктор и др.

Управляющій копями завѣрил, что это ложь, и на нѣкоторое время наступило успокоеніе.

К концу лѣта стали ходить слухи, что русскіе стали забрасывать японцев доносами на русских же, и что моя фамилія фигурировала в этих доносах. В стремленіи выяснить правду и доискаться до источника, я направился к одному из самых дѣятельных членов РНО

инж. Б. Е. Гросман, прежнія дружескія отношенія котораго послѣ организаціи РНО смѣнились сдержанной холодностью.

В началѣ разговора скромно отказывавшійся от всякой связи с полиціей, Гросман потом разоткровенничался и стал обвинять администрацію копей в недостаточной лойяльности и любезности по отношенію к японцам. — Нам все извѣстно, — повторял он часто во время разговора. Стал перечислять факты, на которые мы совершенно не обращали вниманія:—почему русскій управляющій недостаточно внимательно отнесся к пріѣхвщему драгоману—полицейскому, почему не привѣтствовал проходившій японскій отряд, почему мало вывѣшивается японских флагов и пр.

В концѣ этого разговора Гросман обѣщал познакомить меня со старшим полицейским Пограничснскаго отряда, распространяющаго свое вліяніе на копи—Б. Н. Шепуновым, аттестуя его, как «интеллигентнаго человѣка», «бывшаго студента», «офицера». Не чувствуя за собой никакой вины, я хотѣл узнать, что хотят от меня власти.

МОЙ АРЕСТ

В концѣ ноября я получил долгожданный отпуск для поѣздки в Харбин. В теченіи двух послѣдних лѣт из за событій, я лишен был возможности получать отпуска.

24 ноября в 4 часов утра я выѣхал с копей. На ближайщей же станціи Лишунчжен в 2-х километрах от копей, в

вагон вошел провѣрять документы переводчик мѣстнаго японскаго гарнизона Якеда. Взглянув на мой паспорт, он заявил, что мнѣ придется сойти с поѣзда. Я оказался арестованным...

Меня отвели в полицію г. Лишунчжена, гдѣ до вечера в полной неизвѣстности я просидѣл в канцеляріи. К вечеру под сильным конвоем доставили с копей арестованных: Брусіенко, Лаврущина, Семенова (ст. счетовод), Бочкарева (ст. табельщик), Мулакевича (монтер) и Олейникова (торговец из Частного поселка).

Олейников являлся начальником 27 объединенія легитимистов. Семенов—был его замѣститель, Бочкарев и Мулакевич были членами этого объединенія.

Всѣх нас посадили в арестное помѣщеніе, представлявшее из себя клѣтку с канами. Оставили нас под наблюденіем полицейских—китайцев, или как их стали называть японцы—«маньчжуров».

Здѣсь сказалась ненависть китайцев к японцам. Китайская стража, узнав, что мы арестованы японцами, облегчала нашу участь, чѣм могла: разрѣшали видѣться с женами, покупали нам сигареты, продукты и пр.

Продержали нас в этой клѣткѣ три дня. Сколько было здѣсь передумано мрачных мыслей: то терзали меня старо-гиринцы, подозрѣвая во мнѣ японофила, теперь терзают японцы! Но одно становилось ясным: русскіе являются ненужным элементом в Маньчжуріи. Мнѣ

вспомнилось прочитанное в одной иностранной газетѣ интервью с видным японским дѣятелем. На вопрос о положеніи русских в Маньчжуріи он отвѣтил, что русскіе являются совершенно ненужным элементом, ибо как рабочіе они требовательнѣе китайцев, а как администраторы—хуже японцев!

Мѣста на канах в клѣткѣ было недостаточно для всѣх. Ночь проходила в полудремотом состояніи, в тяжелых думах. Сколько здѣсь было передумано!..

Через три дня, на разсвѣтѣ, нас подняли и под конвоем повели на станцію, для отправки на ст. Пограничную, куда прибыли мы к вечеру. Привели нас в штаб Пограничeнскаго отряда, обыскали и посадили в арестное помѣщеніе подвала.

Подвал этот был приспособлен из ледника при помѣщеніи, занимаемом раньше русской пограничной стражей. При входѣ в подвал направо и налѣво—деревянныя рѣшетки, за которыми сидят арестованные. Темно. Слабый свѣт проступает через небольшое оконце, прорѣзанное в двери. На полу грязныя циновки. В корридорѣ, между рѣшеток, стоит дымящая печурка. Стѣны грязныя, закопченныя.

Усталые, мы стали размѣщаться на своих пальто, шубах. В противоположном отдѣленіи находились двое арестованных—молодой казак, задержанный за безпаспортность, и бѣженец из СССР, находившійся тут до выясненія личности. Разговорились с ними. Узнали о

камерных порядках, о допросах. Нам едва хватало мѣста лежать вповалку. Усталые, измученные мы скоро заснули. Ночью стали просыпаться от невыносимаго холода. Дверь во двор прилегала неплотно. Вѣтер дул в незастекленное окошечко. Печь топилась слабо и дымила настолько, что мы задыхались. Лежащій на краю, у стѣны, Лаврушин простудил голову, заболѣл воспаленіем надкостницы и сильно страдал. Я заболѣл ишіасом.

Днем свѣт поступал в камеру очень слабо; мы едва различали друг друга. С нетерпѣніем ожидали 5-ти часов вечера, когда давался электрическій свѣт, правда, очень слабый, но все же мы при нем различали друг друга и даже могли играть в шашки, сдѣланные примитивным способом.

Дня через два меня вызвали в штаб. Ямада, японскій драгоман-полицейскій, сносно говорящій по русски, послѣ обычных вопросов о фамиліи, лѣтах, профессіи, задал нелѣпый вопрос:

— Зачѣм вы пріѣхали в Пограничную?

— ? ? !

На этом первый допрос закончился. То же продѣлали со всѣми остальными.

Спустя два-три дня меня снова вызвали для допроса и передали русскому полицейскому Вощило.

Удивила меня нѣсколько примитивность обстановки допроса: помѣстились мы—Вощило, какой то писец и я

в кухнѣ. Затѣм, когда японцы попросили освободить это помѣщеніе, перешли в канцелярію, устроились на кончикѣ стола.

Пытливо всматриваясь мнѣ в глаза, Вощило прочел мнѣ вступленіе, что является чином особаго отряда жандармеріи, прошедшим особую подготовку в политическо—розыскном дѣлѣ, что «ему все извѣстно», что только искренность может меня спасти.

Ничего не понимая, я просил его задавать мнѣ вопросы. Началось с того, когда и как я попал на Дальній Восток. Полуграмотный писец записывал каждый мой отвѣт. Допрос длился часов пять, Вощило стучал кулаком по столу, кричал, пугал высылкой в СССР, требовал признанія в коммунистической работѣ, в принадлежности к масонству, разспрашивал о частной жизни моих сослуживцев.

В 1931 году, в дѣловой обстановкѣ, в кабинетѣ управляющего копями, я познакомился с зав. Коммерческим агентством К.В.ж.д. Жебровским. В дальнѣйшем я встрѣчался с ним еще нѣсколько раз в присутствіи моих сослуживцев. Вощило требовал моего признанія, что с Жебровским меня связывала какая то «конспиративная работа».

Насколько помнится, в том же году пріѣзжал на копи старшій секретарь Харбинскаго отдѣла ХСМЛ м-р Хейг с лютеранским пастором Кестлером. Задача их была—выручить нѣсколько сот нѣмцев-колонистов, бѣжав-

ших из СССР и застрявших у границы за отсутствіем средств. На мнѣ лежала обязанность по представительству и пріему гостей. Управляющій копями распорядился предложить пріѣхавшим ужин в собраніи и ночлег. За ужином разговор велся на общія темы. Сейчас Вощило настаивал на моем признаніи, что во время этого разговора с г. Хейг поднимался вопрос о «насажденіи масонства».

Допытывался Вощило о моем взглядѣ на соединеніе церквей, о том, как проводится красная работа русских совладѣльцев Мулинскаго Товарищества, бр. Скидельских.

Из лежащей около Вощило папки с бумагами по моему дѣлу, куда он часто заглядывал, высунулся напечатанный на машинкѣ лист. Я невольно прочел: «ПОКАЗАНІЯ В. С. ХОХЛОВА» (бывшего служащаго копей, работавшаго у японцев по сыску и являвшегося организатором РНО на копях). Из этого факта и из характера вопросов, мнѣ стало ясным, что все дѣло затѣяно по доносу РНО, являвшегося по существу филіалом японской жандармеріи.

Однажды вызвали сосѣда по камерѣ, бѣженца из СССР, страстно жаждавшаго освобожденія. Часа через два он появился у подвала, попросил .впустить его в клѣтку и стал истерически рыдать. Мы всѣ молчали, погруженные в невеселые мысли: страшно было слышать рыданія взрослаго человѣка. Успокоившись, он разска-

зал нам, что солдаты отряда, по распоряженію штаба, подвели его к границѣ и заставили его идти по направленію к Гродеково. Он прибѣжал обратно в подвал.

На слѣдующій день наряд маньжугоусских солдат повели его и его сосѣда казака куда то в сопки. Смѣнившійся к ночи солдат, на ломаном русском языкѣ, объяснил нам, что это были большевики, что их отвели к границѣ и предложили не оглядываясь идти к Гродекову, с предупрежденіем, что иначе убьют. Оба оглянулись и их убили. На слѣдующій день вызванный в штаб на допрос Лаврушин слышал разговор о том, куда дѣвать тѣла убитых.

Судьба всѣх русских, попадающих в подвал, зависит от старшего полицейскаго Шепунова и его сотрудников —русских же. Так русскіе чины Пограничснскаго Полицейскаго отряда расправляются со своими же русскими!

Вскорѣ стали вызывать на допрос и остальных моих товарищей по несчастью, задавать им такіе же нелѣпые вопросы как и мнѣ, требуя показанія, что Брусіенко является участником убійства священника по распоряженію совѣтской власти, во время событій 1932 года.

Через нѣкоторое время освободили легитимистов: Олейникова, Семенова, Бочкарева и Мулакевича. Затѣм освободили Лаврушина.

Меня допрашивали еще раз, 10 декабря, в теченіи 10 часов без перерыва посмѣнно Вощило и какой то

тип армянской наружности, в штатском платьи, с револьвером на перевязи. Фамилія его, насколько помнится, Джекели. Выжимая у меня признанія в невѣдомых преступленіях Джекели играл перед моим лицом револьвером.

В тот же вечер я был переведен в другое, болѣе сносное помѣщеніе под честное слово, без наблюденія часового.

Как то вечером зашел Воцило. Просидѣл разговаривая свыше часа. Я пытался узнать о причинах ареста. Воцило отвѣчал общими фразами о необходимости борьбы с большевиками и масонами.

Катились дни за днями в полной неизвѣстности. Однажды зашел ко мнѣ Шепунов. Протянув руку. заявил мнѣ, что в ближайшіе дни я буду на свободѣ, но что за это я должен буду с ними работать, что он мнѣ будет посылать письменные запросы на копи, на которые я должен буду ему отвѣчать. Мнѣ предлагалась роль японскаго жандармскаго освѣдомителя...

Через два дня меня с вещами вызвали в штаб. Там находились: пріѣхавшій управляющій копями Блажевич и Дун Дин-фан. Вскорѣ привели Брусіенко, находившегося все время в арестном помѣщеніи при поселковой полиціи. Начальник Юридическаго отдѣла и начальник отряда обратились к нам с заявленіем, что им извѣстно, что мы занимались непорядочными дѣлами, что мы

должны поддерживать Маньчжу-Го, являющееся авангардом освобожденія Россіи.

Через пять минут радостными кликами встрѣчали нас нащи жены... Послѣ страшных 33 дней заключенія, мы получили свободу.

СНОВА НА КОПЯХ

Жизнь вскорѣ снова вошла в нормальную колею. Неловко лишь чувствовал себя при встрѣчѣ инж. Гросман...

В концѣ января 1934 года на копи пріѣхал Шепунов с полицейским Меликовым, Управляющій копями инж. Блажевич, находя, что весь этот инцидент с безсмысленными арестами был вызван уязвленным самолюбіем Пограниченских русских полицейских, которым администрація копей недостаточно проявляла вниманія в их предыдущіе пріѣзды—рѣшил их пригласить на ужин в собраніе.

К столу приглашены были помимо Шепунова и Меликова и старшіе служащіе с женами. Шепунов держался в важностью тоннаго кавалериста. Когда за рюмкой водки развязались языки, Шепунов стал говорить какими то неясными таинственными фразами о «грядущих через два мѣсяца» каких то событіях... Опьяненный Меликов откинувшись на спинку стула, кричал, что в первые пріѣзды на копи ему приходилось шататься по задворкам, а теперь вот—его шампанским поят!.. Это было 2 февраля.

28 февраля я выѣхал в отпуск в Харбин. Отдохнул, повидался со своими сыновьями, и покончив с дѣлами, 6 апрѣля, к Пасхѣ, вернулся на копи.

Узнал, что в мое отсутствіе были перевыборы в Комитет Старшин Собранія. Конкуррировали два списка: РНО и Объединенія Легитимистов. Список РНО за малочисленностью поддерживавших его не прошел. Всѣ члены РНО демонстративно поднялись послѣ этого и ушли из засѣданія.

Предпріятіе переживало тяжелое время. Нарушенная жизнь в Маньчжуріи отразилась и на заказах на уголь. Непрекращались нападенія хунхузов. В маѣ был обстрѣлян поѣзд. В августѣ был подорван паровоз-разсѣкатель, идущій с охраной впереди пассажирскаго поѣзда. На пассажирском паровозѣ ѣхал практикантом мой сын...

Весной пріѣхал на копи на жительство японскій совѣтник при китайском генералѣ. Совѣтник занял часть Конторы. Стал требовать дополнительных помѣщеній, оборудованія их, возведенія спеціальных построек: голубиной станціи, окопов, караульных помѣщеній. Вскорѣ 19 % всей квартирной площади на копях было занято военными японскими должностными лицами и учрежденіями.

На предпріятіе, построенное исключительно на коммерческих началах, эти дополнительные расходы ложились тяжелым бременем. Копи превращались в военный

городок, оклики по вечерам постовых, гоньба на водопой сотни лошадей, періодическое занятіе школьнаго помѣщенія под постой войск. На копях с мѣста на мѣсто передвигалась на колесах клѣтка с голубиной почтой с надписью:

— «ВСЯКІЙ, ПОДОШЕДШІЙ К КЛѢТКѢ, ПОДЛЕЖИТ РАЗСТРѢЛУ».

Все это вносило сумбурность в дѣловую жизнь предпріятія.

При всѣх требованіях со стороны японскаго совѣтника, влекущих дополнительные расходы, китайскій управляющій проявлял полную уступчивость. Отстаивать интересы дѣла приходилось одному русскому управляющему. Совѣтник в таких случаях дѣлал обидные намекина причастность его к большевизму. Не раз этот совѣтник заявлял китайскому управляющему копями, что его вообще удивляет наличіе в предпріятіи русских... Вскорѣ болѣе опредѣленно стало проявляться руссофобство этого совѣтника.

Электропроводчику копей А. Е. Тонкачеву было поручено провести в помѣщеніи совѣтника телефонное сообщеніе. Тонкачев, не поняв каких то указаній совѣтника на китайско-японском жаргонѣ, через минуту выскочил из помѣщенія избитый. Совѣтник бил его по лицу, а когда Тонкачев упал, то бил его ногами. Такіе случаи с русскими стали повторяться часто.

В Харбинѣ проживал техник Лимонников—домовладѣлец. При обыскѣ у его кварганта-китайца была найдена какая то нелегальная литература. Лимонникова арестовали. Через 17 дней женѣ его был выдан труп. А с какой страстной надеждой и вѣрой ждал Лимонников прихода японцев!

Мой знакомый, молодой инженер И. остановился в Харбинѣ у какого то зданія, занимаемаго японским учрежденіем, в ожиданіи пока его невѣста, дочь извѣстнаго в Маньчжуріи русскаго генерала, завязывала туфель. Вышел из помѣщенія японец. Спросил:— «Русскій»? — «Русскій»—отвѣтил И. Послѣдовала пощечина.

В этих житейских мелочах в Харбинѣ и на периферіи находили отраженіе событія, связанныя с занятіем японцами Маньчжуріи.

СОБЫТІЯ ОБЩАГО ХАРАКТЕРА

В центрѣ японской политики послѣ занятія ими Мукдена и Харбина, естественно возник вопрос о приданіи какой то формы этим событіям. Остановились на мысли о созданіи какого то новаго государственнаго образованія; оставался открытым вопрос о формѣ правленія, конечно, номинальной, так как все бралось японцами под жесточайшій контроль.

Послѣ обмѣна мнѣній в печати остановились на возглавленіи Маньчжу-Го бывшим китайским императором Пу-И.

Китайская революція 1911 года застала китайскаго императора семилѣтним мальчиком. Мягкость китайских революціонеров сохранила ему не только жизнь, но и окружающую его ближайшую обстановку. Он продолжал жить и расти в Пекинском Императорском дворцѣ, окруженный небольшой свитой и штатом прислуги.

В 1927 году когда в результатѣ сложных политических комбинацій, не без участія в них японцев, фактическій правитель Маньжуріи—маршал Чжан Цзо-лин распространил было свое вліяніе на Пекин и занял его, бывшій императоръ Пу-И со своими двумя женами перебрался в Тяньцзин. Здѣсь он жил замкнуто в семейном кругу. Наступили маньчжурскія событія осени 1931 года. Японцы вначалѣ видимо колебались на каком строѣ остановиться для Маньчжуріи. Для того, чтобы захват Маньчжуріи не носил явнаго характера оккупаціи и чтобы заручиться возможными симпатіями со стороны видных пожилых китайцев, выросших и воспитанных в духѣ старых императорских традицій, японцы остановились на мысли возглавить создаваемое ими новое государственное образованіе бывшим китайским императором.

Это давало японцам также нѣкоторые надежды на использованіе авторитета бывшего китайскаго императора в случаѣ захвата ими и других частей Китая. Доходили слухи, что узнав о намѣреніи японцев, Пу-И стремился скрыться из Тяньцзина. Тѣм не менее японское

предложеніе было им принято, и вскорѣ он выѣхал в Чань-Чунь, переименованный по случаю возведенія это го городка в ранг Маньчжурской столицы—в Синьцзин, т.е. «Новая Столица».

В это невѣдомое житейское плаваніе рѣшилась сопровождать его одна жена, вторая осталась в скромной должности преподавательницы гимназіи. Как передают, свободное мѣсто второй спутницы жизни Пу-И японцы заполнили: — подарили ему в наложницы японку.

В 1932 году под контролем японцев находился Харбин, в значительной части Западная и Южная линія К.В.ж.д. На Восточной линіи японцами были занять лишь отдѣльные пункты до ст. Эхо. Вся остальная часть Маньчжуріи находилась в состояніи анархіи, т.к. событія, разрушив прежній административный аппарат, новаго не создали.

Харбин тѣм не менее ранней весной 1932 года шумно праздновал объявленіе независимаго государства, возглавленіе котораго в качествѣ Верховнаго Правителя взял на себя бывшій китайскій император. Три восточных провинціи: Гиринская Цицикарская и Мукденская становились одной областью, под названіем Маньчжурія. С момента объявленія Маньчжуріи самостоятельным государством японцы назвали ее Маньжу-Го, то есть Маньчжурское государство.

На празднованіе образованія Маньчжу-Го предложено было всюду по спискам явиться всѣм служащим

всѣх правительственных учрежденій и китайских коммерческих предпріятій. Народ в Харбинѣ изображали тысячи уличной черни, согнанной из Фудзяцзяна. Город был украшен новыми флагами Маньчжу-Го. Собирающіеся на площади слушают рѣчи, музыку, совершают ритуальные поклоны в сторону новой столицы.

Сдержанны хмурыя лица расходящихся по домам китайцев послѣ принудительнаго изъявленія радости по случаю образованія Маньчжу-го. По всем концам міра несутся официальныя японскія телеграммы о радостных ликованіях народых масс по случаю объявленія независимаго Маньчжу-Го, государства с 30 — милліоннымъ населеніем.

Вскорѣ в газетах стали появляться замѣтки, что объявленный строй Маньжу-Го является временным, что все это должно вылиться в болѣе прочныя формы правленія на вѣчныя времена. Далѣе писалось, что нельзя не считаться с консервативным теченіем маньчжурских народных масс, желающих видѣть Маньчжу-Го монархіей. К началу 1934 года в газетах писали о предстоящем провозглашеніи Верховнаго Правителя Пу—И императором.

28 февраля 1934 года, по особому разработанному ритуалу Пу — И переходил па новое положеніе императора.

Опять благодарный народ, согнанный на площади, шумно праздновал радостное событіе. Харбин был за-

лит морем электричества. Мѣстные официозы широко и подробно писали об этом событіи.

— Почему Верховный Правитель Пу — И объявляет себя императором?—задавалея вопрос в газетах.

— По повелѣнію Неба, — пояснялось тут же. Всѣ сгѣны и заборы были заклеены летучками:—«Небо благословляет народы Маньчжу - го»; «Маньчжу - Ди - го самая счастливая страна в мірѣ» и т.п.

Маньчжурія, переименованая сначала в Маньчжу - го отнынѣ становится Маньчжу - Ди - го, то есть «Маньчжурское Императорско е государство», или Маньчжурская Имперія.

Номинально — Маньчжй-Ди-го самостоятельное государство, находящееся в дружественных отношеніях с Японіей; в дѣйствительности это колонія Японіи, держащаяся на японских штыках, управляемая японцами жесточайшим образом, при полной острой ненависти к японцам всего мѣстнаго населенія, которое является лишь удобреніем в будущей, в грандіозных размѣрах замышляемой колонизаціи Маньчжурских свободных земель переизбытком населенія Японіи.

Подобные захватническіе планы являлись у Японіи раньше. Стремленія эти по отношенію Русскаго Дальняго Востока, стали выявляться в 1918 году во время интервенціи бывшими союзниками Дальняго Востока и Сибири.

Тогда почти одновременно с высадкой во Владивостокѣ японских воинских частей, из Японіи появилась масса различных комиссій, стремившихся очень настойчиво и напористо войти в курс всей экономической и административной жизни края. Не было ни одного правительственнаго учрежденія, ни одного промышленнаго или торговаго предпріятія, куда бы вѣжливые, улыбающіеся японцы не стремились пробраться, чтобы настойчиво подробнѣйшим образом ознакомиться с жизнью и работой даннаго учрежденія.

Это при наличіи корректнаго, сдержаннаго отношенія остальных союзников.

К 1920 году прекратилась в Россіи гражданская война. Из Сибири и Дальняго Востока ушли чехословацкія воинскія части, обезпеченіе проѣзда которых явилось официальным поводом для интервенціи. За чехами ущли всѣ союзники. Остались лишь японскія части на Дальнем Востокѣ.

В ночь с 4 на 5 апрѣля 1920 года произошло на всей территоріи от Владивостока до Хабаровска японское вооруженное выступленіе.

В один и тот же час японскія войска обстрѣляли правительственныя учрежденія в городах и поселках вдоль линіи Уссурійской желѣзной довоги от Владивостока до Хабаровска, разогнали милицію и слабые воинскіе гарнизоны Приморской власти, внесли в жизнь пол-

ную дезорганизацію, остановив работу желѣзной дороги, почты, телеграфа.

Выступленіе это сопровождалось невинными ни в чем, случайными жертвами среди русскаго гражданскаго населенія, и короткой расправой с появившимися в то время в краѣ совѣтскими комиссарами; — нѣсколькихъ живыми сожгли японцы в паровозных топках.

Русское населеніе совершенно не понимало, что японцам нужно...

Повтореніе точно такого же выступленія произошло одиннадцать лѣт спустя, в Мукденѣ, но с желательными для японцев результатами.

Слабая Приморская власть в 1920 году на сговор с японцами не пошла, проявив достаточно твердости. К тому же Владивосток в то время являлся по существу международным городом, в котором были представлены почти всѣ государства. Власть стала широко информировать об этом выступленіи всѣх консулов.

Кончилось это подписаніем соглашенія об отводѣ русских воинских частей Приморской власти из зоны, занимаемой вооруженными японскими силами. В это время, кромѣ Приморья, японцы занимали Сахалин и Забайкалье, поддерживая атамана Семенова. Всюду хищническим способом, под охраной вооруженной силы эксплоатировались богатства края...

Из забайкальской эпопеи разсказывал мнѣ характерный случай штабс-капитан В. И. Х-в, служившій в

Семеновском штабѣ офицером для порученій, на обязанности котораго было, между прочим, періодическое полученіе (два раза в недѣлю) информаціи из японскаго штаба.

Лѣтом и осенью 1920 года стали ходить упорные слухи о предстоящем коренном перемѣнѣ отношенія японцев к Семеновской власти; предполагалось реорганизовать весь правительственный аппарат, начать рѣшительную борьбу вмѣстѣ с японцами против красной партизанщины в Забайкальской области и создать твердое государственное образованіе.

Придя однажды за полученіем очередной информаціи, г. Х. увидѣл японцев, заколачивающих ящики.

— Что это вы дѣлаете? — невольно спросил г. Х.

— Собираемся эвакуироваться ! — отвѣтили ему японцы.

— А как же атаман Семенов?

— Прежними дѣлами будет заниматься! — отвѣтили ему с улыбкой.

— Какими?

— Грабежами на большой дорогѣ!..

— ? ! ?

Вскорѣ из Забайкалья японцы эвакуировались.

В 1920 году, послѣ апрѣльских событій японцами во Владивостокѣ была выпущена японская газета на русском языкѣ: «Владиво — Ниппо», предтеча газеты «Харбинкое Время», выпущенной ими же одиннадцать

лѣт спустя в Харбинѣ, послѣ Мукденских событій, со всѣми тѣми же характерными особенностями: демагогія, развязность, ложь в условіях полной ненаказуемости.

В 1921 году во Владивостокѣ произошел переворот в пользу бѣлой власти. «Владиво — Ниппо», стоявшая все время в оппозиціи к существующей красной власти, пишет:—«Сегодня на Свѣтланкѣ можно было видѣть генерала Вержбицкаго в погонах. Если бы одѣл погоны какой либо кадет или юнкер, это не так казалось бы странным, но генерал Вержбицкій»...

Газета сразу становилась в оппозицію и к новой бѣлой власти.

Захватить русскій Дальній Восток японцам тогда не удалось. В 1920 году японцы эвакуируются из Забайкалья, в 1922 году из Приморья, в 1923 году из Сѣвернаго Сахалина.

Подтвержденіе предположенія о захватѣ японцами русскаго Дальняго Востока можно найти в записках генерала Болдырева, бывшего члена Самарской Директоріи, проживавшаго послѣ переворота в Омскѣ в пользу адмирала Колчака—в Японіи.

ФОКСТРОТЫ С ГИМНАЗИСТКАМИ

Лѣто 1934 года на копях проходило в условіях нарушенной японцами жизни. Одним из зол, принесенных японцами, явилось увлеченіе фокстротом мѣстных гимназисток о японскими солдатами, Обычно, вечерами к од-

ному из домов, гдѣ проживали молоденькія дѣвицы, гимназистки, и т.д. стали подкатывать грузовики с солдатами. С ними закуска, фрукты, лимонад. Тут же появлялась виктрола и начинались танцы с побѣдителями до утра. Перепуганные родители, заискивающіе перед японцами, боялись остановить это. Невысыпавшіяся гимназистки не в состояніи были посѣщать аккуратно гимназію. Начался развал в гимназіи. Руководитель гимназических курсов, прямой и честный молодой преподаватель, поставил вопрос о фокстротѣ гимназисток с японскими солдатами и довольно остро, пригласив для обсужденія этого вопроса на собраніе родителей. Перепуганные родители, боясь обсуждать столь щекотливый вопрос, грозящий, возможно, обвиненіем в нелойяльности к японской арміи, на собраніе не явились. Руководитель курсов закрыл школу. Впослѣдствіе, когда по этому вопросу с родителями договорились, преподаватель этот от руководства школой отказался и при первой возможности оставил на копях преподавательскую дѣятельность.

Японцы продолжали предъявлять к администраціи копей подчас невыполнимыя требованія, сплошь и рядом в рѣзкой и обидной формѣ. Становилось совершенно очевидным, что новая власть совершенно не заинтересована в нормальной жизни предпріятія.

Опять пошли слухи, что РНО забрасывает японцев доносами о «коммунистической работѣ» ряда лиц, в том

числѣ и моей. Несмотря на это, я продолжал оставаться на службѣ, так как совершенно ни в чем себя виновным не чувствовал. Прожил всю жизнь совершенно чуждым не только коммунистической идеологіи, но в какой бы то ни было мѣрѣ соціалистической. С большими трудностями, усиліями и преслѣдованіями выбрался из Совѣтской Россіи.

Послѣ всего пережитаго в Пограничной, хотя и страшно было оставаться и продолжать службу на копях, но помимо соображенія о своей невиновности, меня удерживало оставить службу положеніе моих двух сыновей—студентов старших курсов Политехническаго Института в Харбинѣ. Мое увольненіе повлекло бы прекращеніе их образованія, так как свободных средств у меня не было.

СНОВА АРЕСТЫ..

Одним из видных членов правленія РНО являлся выживший из ума старик, бывшій полковник Ермолаев. Этот господин, послѣ моего возвращенія из Пограничной, буквально преслѣдовал меня своими просьбами устроить его на службу, увѣряя меня, что если бы я его устроил раньше, то избѣжал бы непріятностей, «связанных с послѣдним арестом», так как он состоял на развѣдывательной службѣ у японцев.

Однажды, он довольно откровенно заявил мнѣ, что ежемѣсячная уплата ему 15 долларов избавит меня от

возможностей повторенія имѣвшей мѣсто непріятности. Я промолчал.

В августѣ Ермолаев явился ко мнѣ на квартиру и предложил вступить членом в Р.Н.О.

— Имѣйте в виду, что наступают событія! — предупредил он меня. (Первое предупрежденіе о каких то событіях дѣлал в февралѣ Шепунов).

От вступленія в число членов РНО я отказался. Отказались от этого предложенія и всѣ старшіе служашіе, за исключеніем состоявшаго уже в этом обществѣ с момента его организаціи, зав. механическим отдѣлом инж. Гросмана.

Вскорѣ мы узнали, что в Пограничной арестован преподаватель гимназіи Щербо, являвшійся начальником 28 отдѣла легитимистов.

В сентябрѣ 1934 года, проходя как то мимо собранія я услышал пьяные голоса. Гросман пѣл свою любимую пѣсню «Кто это в черной венгеркѣ?» Оказалось, что Гросман пьянствовал с пріѣхавщими русскими полицейскими.

Через нѣсколько дней на копи вновь пріѣхали Пограничснкіе полицейскіе: Вощило, Майшев, и драгоман японец Хасивада.

В первых числах сентября вечером Брусіенко сидѣл в билліардной собранія. Вошли пріѣхавшіе полицей-

скіе, поздоровались с Брусіенко и предложили вмѣстѣ поужинать. Послѣ ужина задали Брусіенко вопрос:

— А не поздно будет к вам зайти?..

Пришли домой, обыскали квартиру, арестовали Брусіенко. К этому времени был уже арестован Олейников. Через два дня арестованных увезли в Пограничную.

Аресты эти создали безпокойство среди служащих. Появились слухи, что в Пограничной при допросах избивают...

ХАРБИНСКАЯ ПРЕССА

По поводу этих арестов в Харбинской газетѣ «НАШ ПУТЬ (орган фашистов-эмигрантов японофильскаго толка) от 12 сентября за № 235, появилась под заголовком «РАЗГРОМ ГНѢЗДА КРАСНЫХ ШПІОНОВ И ПРЕДАТЕЛЕЙ. ЧТО ВЫЯСНИЛИ ОБЫСКИ НА МУЛИНСКИХ КОПЯХ» — слѣдующая замѣтка:

> — Уже достаточно извѣстно, что на линіи К.В.ж.д. разбросаны совѣтскія ячейки Г. П. У., члены которой, через мѣстные отдѣлы сов. консульства, в большинствѣ подчинены Хабаровску. Большая коммунистическая работа ведется в Мулинѣ. Позавчера обыски дали полное подтвержденіе наших неоднократных сообщеній об этом.

Обыск был произведан в нѣскольких квартирах совѣтских служащих копей. В результатѣ были арестованы помощник управляющаго копями Н. Брусіенко и служащій конторы Олейников.

С арестом Брусіенко выясняется его предательская роль в судьбѣ звѣрски убитаго священника о. Павла Голіенко.

Выяснилось, что в увозѣ священника одну из главных ролей играл именно он. Во время конфликта он получал распоряженіе от Г.П.У. произвести аресты бѣлых в Мулинѣ. Распоряженіе передавал из Сочинзы дежурный по станціи Калмыков, увезшій в Никольск-Уссурійск отрубленную голову о. Галіенко.

За убійство о. Павла Галіенко получили повышеніе и Брусіенко и Калмыков, который был назначен начальником станціи Пограничная и вел в послѣднее время непосредственную связь (или через Пограничнаго консула) с Хабаровском. Сейчас Калмыков также арестован.

Арестованный на Мулинских копях Олейников—старый коммунист и вредитель. Он в 1929 году вел большую работу на ст.

Пограничная с нѣкіим Панфиловым, выдавая в СССР эмигрантов. Выдача дошла до того, что эмигранты в паникѣ стали покидать станцію.

При обыскѣ у Панфилова и Олейникова обнаружены документы, доказывающіе их связь с Г.П.У. и сов. консульством.

Оказалось, что эти лица под предлогом организаціи «антикоммунистических отрядов» заманивали на Пограничную врагов коммунизма, и затѣм выдавали их на сов. сторону.

Вскорѣ туда же сбѣжал и надзиратель Кравченко, друг Наркевича. В Харбинѣ связь с этими лицами вел автор провокаціонных «Записок Неуча» проживающій и сейчас по Конной улицѣ, 78 и находящійся еще на свободѣ Ковган. Ковган занимался провозом контрабанды, имѣя агентов в Фугдинѣ, Сахалянѣ и др. мѣстах и под различными предлогами отправлял в СССР эмигрантов, которые там разстрѣливались.

В Пограничной у него работали не только Олейников и Панкратов, а еще 16 агентов. Из Харбина связь с Сахаляном поддерживал ковганскій агент Арестоулов.

Таким образом, с произведенными арестами в Мулинѣ, как бу̀дто на нѣкоторое время прервана цѣпь шпіонажа, предательства и вредительства в этих мѣстах, но часть агентов сидит в Харбинѣ. Надо полагать, однако, что конец преступной работѣ красных шпіонов и предателей недалек.

Эту замѣтку, состоящую из сплошного набора дикой фантазіи подписал нѣкій ИЛ. КУРБСКІЙ (Карнаух).

Уѣхавшая в Пограничную жена Брусіенко дала на копи условную телеграмму, из которой было понятно, что положеніе с мужем ея скверное...

Жили копи странной, тревожной жизнью, в ожиданіи возможных дополнительных арестов.

Я СНОВА АРЕСТОВАН

2 октября в 10 часов вечера ко мнѣ позвонили. Вошли полицейскіе: Вощило, Мустафинов и японец Хасивада.

— У вас конечно, все в порядкѣ, обнаружено ничего не будет?—пронически замѣтил Вощило.

Послѣ бѣглаго обыска, меня увели под конвоем в помѣщеніе, занимаемое радіо-станціей японскаго совѣтника.

Вскорѣ привели арестованных: старшаго кондуктора И. И. Филиппова, старшаго счетовода И. И. Семенова,

агента для порученій Т. Л. Липовскаго, зав. хозяйством собранія Ф. В. Старновскаго.

Два брата Старновскаго, во время занятія в 1929 году красными Чжалайнорских копей были уведены в СССР и сосланы в Соловки. Сам Ф. В, Старновскій калѣка, с перебитой ногой, на костылѣ, остался кормильцем старушки-матери, выплакавшей всѣ глаза по своим сыновьям, томящимся в Соловках.

Первым вызвали в сосѣднюю комнату на допрос Филиппова. Послышался глухой стук, как бы от рубки дров. Это, оказывается, Мустафинов так сильно бил дубиной Филиппова.

Через полчаса распухшаго, почернѣвшаго Филиппова втолкнули обратно в нашу комнату и вызвали меня.

За столом на предсѣдательском мѣстѣ сидѣл замѣститель совѣтника в формѣ японскаго капитана, слѣва драгоман Хасивада, справа Вощило; сзади, раскачивая дубину в руках, стоял Мустафинов.

Обратился ко мнѣ Вощило со вступительным словом о том, что я должен быть искренним, что они теперь средствами стѣсняться не будут... Затѣм послѣдовал вопрос,—давал ли я коммунистическую подписку Жебровскому?

В полном недоумѣніи, я отвѣтил отказом.

— Бить!.. — раздалась команда Хасивада.

За этим послѣдовал страшный удар дубиной по поясницѣ. Вощило стал бить меня кулаком по лицу.

Хасивада по головѣ. Начались истязанія... От нестерпимой боли я закричал диким голосом.

— Что вы, ребенок что ли? — удивленно задал мнѣ вопрос Хасивада, нанося тут же удары по лицу, по головѣ. Из разбитых десен текла кровь. Избіеніе продолжалось...

Униженным, избитым, со страшной болью в поясницѣ меня вернули в комнату арестованных, гдѣ я в непередаваемом душевном состояніи коротал эту страшную ночь.

Слѣдующим вызвали Лисовскаго и вернули с распухщим, синим лицом. К часу ночи избіенія прекратились. Зашел в нашу комнату Хасивада, предложил нам сигарет и посовѣтовал как нибудь лучше устраиваться на ночь.

— Как вам не стыдно так избивать?—не мог я удержаться от упрека.

— Ничего не подѣлаешь, так надо!,—с улыбкой отвѣтил Хасивада и ушел.

Мы оказались на грязном полу. В качествѣ караульных, нам поставили двух китайских солдат. Разговаривать нам между собой не разрѣщалось. Китайцы, растегнув одежду, били вшей...

Утром жены принесли нам провизію. Мы им сумѣли сказать, что нас избивают.

Вскорѣ привели арестованнаго драгомана Цзин Юйшена и конторщика Хайновскаго.

В полдень всѣх арестованных перевели в дом для пріѣзжающих. Помѣстили на нарах темной комнаты, Послѣ обѣда начались дополнительные аресты. Арестовали: штейгера С. И. Воронича, начальника станціи П. С. Малаховскаго, фельдшера В. Н. Маіорова, стрѣлочника И. И. Лобис, старшаго сторожа П. П. Балдина, кладовщика Д. Л. Озырянскаго, переводчика-китайца Му Чжен-у, старшаго табельщика И. Ф. Бочкарева, приказчика кооператива А. Н. Бутикова.

Меня чрезвычайно поразило появленіе среди арестованных С. И. Воронича. Арест какого либо другого лица мог найти себѣ какое то, правда совершенно нелѣпое, оправданіе : то отказ от вступленія в члены РНО, то участіе в объединеніи легитимистов, то сведеніе личных счетов русских полицейских с администраціей копей. державшейся ровно, без всякаго заискиванія.

Воронич от всего этого стоял в сторонѣ. Проведя нѣсколько лѣт в Австраліи, он вынес оттуда англійскую замкнутость, выдержку, осторожность. Работа его проходила, главным образом, под землей, в шахтѣ, в соприкосновеніи с очень ограниченным числом служащих. Общества он избѣгал, проводя время в чтеніи книг и англійских технических журналов. По подданству польскій гражданин. По характеру—чуждый какого бы то ни было политиканства. Впослѣдствіе, на допросах в

Пограничной, под воздѣйствіем физической силы, подписал показаніе, что ставил своей задачей «взрыв динамитом шахт». Причиной его ареста, должно быть, явилась его жалоба на члена РНО, врача Плѣшкова, за безобразное отношеніе к больной женѣ.

ПЫТКА ВОДОЙ

Наступила ночь. Мустафинов принес двѣ дубины, банку воды и большой жестяной чайник. К допросу, слѣдовательно, все подготовлено. Пришли Вощило и Хасивада.

Первым вызвали на допрос Семенова. Через минуту стали раздаваться дикіе крики Семенова, мольбы о пощадѣ, площадная брань слѣдователей, снова крики, бросаніе тѣла на пол, характерные крики утопающаго— это от пытки водой — вливанія ея в нос.

Можно себѣ представить душевное состояніе всѣх нас, в ожиданіи таких же пыток...

Минут через 45 привели Семенова. Болѣе страшной сцены трудно себѣ представить. Распухшій, посинѣвшій, мокрый, в разорванной рубахѣ Семенов становится на колѣни и дрожащими губами, бьющійся в лихорадкѣ, начинает молиться, рыдать...

Семенов—боевой офицер в прошлом. Уйдя на германскій фронт вольноопредѣляющимся, закончил гражданскую войну подполковником. Ранен. Получил ряд боевых наград.

Следующим выводят на допрос Старновскаго.—Неужели и его, калѣку, не пощадят?—невольно задаемся мы вопросом. Но нѣт у этих садистов-палачей человѣческаго чувства! Все, что продѣлывалось с Семеновым, повторяется со Старновским, даже болѣе продолжительное время. В комнату пыток вошел замѣститель совѣтника, японец. Казалось, что его присутствіе должно было остановить пытки над калѣкой—наоборот. Усилились... Мы слышали, как симпатичный, скромный Старновскій от удара дубины падал на пол, по командѣ палачей, при помощи костылей, взбирался на табурет и вновь падал...

Приводят обратно Старновскаго. Начинает он горько, как ребенок, плакать, вспоминая свою старушку — мать.

Допытываемся от возвратившихся с допроса, о чем их допрашивают. Оказывается требуют указаній, когда предполагали устраивать возстаніе, кому давали коммунистическую подписку и все в том же нелѣпом духѣ.

Ну вот, очередь за мной.

Вводят меня. Начинаются вопросы, на которые я не нахожу требуемых отвѣтов.

Спрашивают, призывал ли я в мартѣ мѣсяцѣ служащих к возстанію против японцев в помѣщеніи собранія?

Отвѣчаю, что весь март провел в отпуску в Харбинѣ, что это можно провѣрить по отмѣткѣ на паспортѣ.

— Врешь!—в отвѣт и начинают сыпаться удары дубиной по спинѣ и, главным образом, по поясницѣ.

Слѣдующій вопрос, принимал ли я участіе в взрывѣ поѣзда.

Отвѣчаю, что не принимал участія в этом дѣлѣ уже по одному тому, что на паровозѣ ѣхал мой сын.

— Врешь, мерзавец!—опять битье дубиной. Требуют от меня дальще объясненія, как должен был быть организован взрыв шахт.

Говорю, что на это никто пойти не мог, т.к. взрыв шахт повлек бы прекращеніе работы предпріятія, то есть лишеніе всѣх нас, служащих, куска хлѣба.

— Ерунда! раздается — в отвѣт и страшные удары дубины. Я теряюсь в догадках, готов в этом ужасѣ говорить что угодно, но ничего не могу придумать.

Меня бросают на мокрый пол. Хасивада становится одной ногой на живот, другой на руку. Мустафинов начинает сильной струей из чайника безостановочно лить в нос холодную воду.

Непередаваемое страданіе. Начинается рвота, страшная раздирающая голову боль. Захлебываешься водой, задыхаешься...

— Ну, теперь будешь говорить!—окрик Вощило.

Опять не понимаю, о чем говорить? Снова удары Мустафинова. Я начинаю кричать душераздирающим

голосом. В этот момент Хасивада сует мнѣ в рот горящую сигарету, обжигая мнѣ язык, губы...

Я ничего не могу понять:—сон ли это, бред ли сумащедшего...

Меня избитаго. мокраго, растерзаннаго вталкивают обратно в комнату арестованных. Вызывают слѣдующего...

В ПОГРАНИЧНУЮ

Жена моя узнав, что меня избивают на колѣня молила и цѣловала руки палача Вощило, прося меня пощадить. Вощило на это ей отвѣчал, что «у них никого не бьют»...

В такой обстановкѣ провели мы три кошмарныя ночи.

Из вопросов, задаваемых мнѣ и моим товарищам по несчастью, становилось ясным, что члены РНО, демонстрамивно ушедшіе с засѣданія по перевыбору Комитета Старшин собранія, имѣвшего мѣсто в серединѣ марта, из мести донесли японцам, что оставшіеся служащіе обсуждали вопрос по устройству яко бы возстанія против японцев.

В 4 часа утра нас подняли и посадили в поѣзд для отправки в Пограничную. У поѣзда стояли бьющіяся в истерикѣ жены, матери и близкіе отправляемых.

При пересадкѣ на раз. Сочинзы в поѣзд К.В.ж.д., я увидѣл своего старшаго сына. Он ѣхал в Погранич-

ную к Шепунову, с письмами вліятельных лиц, ходатайствующих за меня. Сын через Мустафинова передал мнѣ пачку сигарет. Видимо, предполагая, что письма окажут вліяніе на мою судьбу, в смыслѣ освобожденія, Мустафинов завел со мной вѣжливый разговор:

— Согласитесь с тѣм, что без битья нельзя, никто ничего говорить не желает!.. Ничего не говорил нам и Брусіенко, а как стал я его бить — заговорил и теперь мы знаем, какую крупную политическую роль играл он на копях...

Дальше Мустафинов отал расказывать, как сильно он избивал Брусіенко.

Меня взяла жуть. С Брусіенко я прослужил почти десять лѣт. Почти ежедневно встрѣчались и я его прекрасно знал.

Страшно волевой человѣк в работѣ—в острые моменты жизни предпріятія, во время взрывов, обвалов шахт, наводненій он проявлял чудеса настойчивости, распорядительности, энергіи, но бывал при этом грубоватым с окружающими. Этим он создал себѣ нѣсколькихъ враговъ, в числѣ которых оказался Гросман.

В наводненіе 1932 года, когда весь подъѣздной путь к копям был разрушен, Брусіенко при возстановленіи его от всѣх требовал исключительнаго напряженія сил. Тут он остлкнулся с развинченностью Гросмана, затормозившего оборудованіе мельницы и оставив-

шаго из за этого без муки русское населеніе копей. Это послужило началом недоразумѣній и поводом Гросману сыграть страшную роль в судькѣ Брусіенко.

Вот мы и в Пограничной. Опрос, обыск в штабѣ отряда и отправкч в подвал. Вечерѣет.

Прошлогодній подвал, в котором я уже сидѣл расширен. Помѣшеніе раздѣлено на восемь клѣток - камер. Вдоль клѣток корридор. Над каждой клѣткой электрическах лампочка с ограженным свѣтом во внутрь. При входѣ ударяет в нас запах амміака. Всѣ клѣтки полны арестованными. Мельком увидѣл (в клѣткѣ № 4) Брусіенко. В шапкѣ, в трепанной одеждѣ, обросшій бородой, с тяжелым хмурым взглядом. Типичный арестанскій вид.

Поднята перекладина, открыта низкая дверь клѣтки № 5. Согнувшись вдвое, влѣзаю в клѣтку. Я оказался в одной из лучших камер-клѣток. Выбѣхены стѣны. Свѣтлая, расположенная против окна, выходящего на двор. Эта камера имѣла еще тюфяк, грязный и окровавленный, имѣвшій свою исторію:

— В этой клѣткѣ сидѣла беременная женщина. К моменту родов ей бросили тюфяк.

В этих средневѣковых условіях, без примитивных удобств, на полу, в освѣшенной открытой клѣткѣ, на виду у часового-японца и проходящих мимо полицейских, в непосредственном сосѣдствѣ с арестованными

мужчинами за стѣнками, эта женщина произвела на свѣт ребенка.

Здѣсь арестованным женщинам не дѣлали никакого исключенія, до избіенія и пыток при допросах включительно.

К нашему появленію в подвалѣ, в темной одиночкѣ-клѣткѣ № 8 сидѣла владѣлица аптеки на ст. Мулин, Варуки. В слѣдующей камерѣ ея провизор. Оба обвинялись в анти-японской пропагандѣ.

В отсутствіи часового шопотом разговорились. Узнаю причины ареста. Уволенный врач копей Плѣщков обосновался в Мулинѣ, открыв там аптеку. Варуки являлась сильным конкурентом. Пользуясь знакомством с чинами Пограничненскаго отряда, Плѣшков посадил Варуки в подвал.

Недѣли через двѣ Варуки и ея провизора условно освободили под обезпеченіе ея недвижимости. Дальнѣйшая ея судьба мнѣ неизвѣстна, но ея мольбы о кускѣ хлѣба—полагающійся рис она не могла ѣсть, и скорбную фигуру женщины с парашей в руках, направляющуюся в очередь с мужчинами в уборную, буду помнить долго.

Оказавшись в клѣткѣ, знакомлюсь со своими товарищами по несчастью: начальник станціи Мулин К.В.ж.д. Г. С. Скоропад. Симпатичный, молодой еще человѣк, лѣт 32. В Маньчжуріи с дѣтства. Дѣло с ним

закончено: послѣ четырехкратнаго избіенія, возвел на себя обвиненіе в храненіи и доставкѣ динамита. Ждет отправки в Харбинскую тюрьму.

Второй— проводник вагонов К.В.ж.д. татарин Инелеев. Безпокоится в ожиданіи допроса.

Слѣдующій—Ф. И. Бѣлов. Год тому назад бѣжал из СССР, с женой и семью дѣтьми. Был обвинен совѣтской властью в преступленіи по ст. 58-а, грозившей высшей мѣрой наказанія, разстрѣлом. Занимается в Пограничной с сыном извозом. Подрался с китайцем. Проходившій русскій чин Погранического отряда арестовал и посадил в клѣтку.

Через нѣсколько дней этот русскій эмигрант, бѣжавшій от ужасов совѣтской власти, был отправлен под конвоем обратно в СССР!

Слѣдующій—китаец, служащій К.В.ж.д., обвиняется в политической работѣ. За это время 24 раза подвергали пыткам: вливали воду в нос, рвали щипцами кожу, били.

Послѣдній наш компаньон тоже китаец. Предъявлено ему какое то нелѣпое с европейской точки зрѣнія обвиненіе:—покупал будто бы человѣческія сердца, продавал их, а также ѣл.

Через нѣсколько дней обоих китайцев выпустили на свободу.

На деревянной рѣшеткѣ, со стороны камеры, выведена химическим карандашем фамилія «Казак». Это один из сидѣвшихъ здѣсь арестованных служащих К.В.ж.д., в прошлом офицер.

Разсказывает мнѣ Скоропад страшную исторію истязаній Казака. Доставили его однажды утром в клѣтку, к вечеру вызвали на допрос. Привели его, оказывается, в комнату, приготовленную для выпивки. Недоумѣвающаго Казака русскіе полицейскіе посадили за стол, налили стопку водки и предложили выпить. В нерѣшительности Казак потянулся было рукой к водкѣ. В этот момент на него одновременно опустилось шесть палок и с хохотом, и издѣвательствами началось избіеніе, От водки Казак отказался. Стали бить еще сильнѣе, и заставили под этими страшными ударами пить. Давился и пил... С этого «допроса» Казака в камеру принесли на простынѣ.

Этим одним избіеніем не ограничились. В результатѣ, у Казака оказалось отбитыя легкія, и исключительнаго здоровья человѣка в Харбинскую тюрьму отправили калѣкой.

Всѣ клѣтки набиты служащими К.В.ж.д., обвиняемыми в провозѣ и храненіи динамита, в устойствѣ возстанія и т.д.

Каждыя, примѣрно, двѣ недѣли отвозят очередную партію в Харбинскую тюрьму, в подвал же доставляют

новую. Это все—жертвы неудавшейся очередной попытки подписанія договора о продажѣ К.В.ж.д. японцам.

Каждый раз, когда переговоры о продажѣ дороги принимают неблагопріятный оборот, по указанію свыше полиція, жандармерія начинала пачками арестовывать служащих дороги, избивать, подчас до смерти, заставляя подписывать невѣроятныя на себя показанія, внося этим полную деморализацію в дѣловую жизнь дороги.

Этими азіатскими пріемами японцы хотѣли ускорить подписаніе договора о продажѣ дороги.

ЖИЗНЬ В КЛѢТКѢ

Внутренній распорядок жизни камер таков: в 7 часов утра всѣ обычно встают. Затѣм получают по порціи риса с соленой зеленью (сяй-цай) и кипятак, заваренный крупным японским чаем. Послѣ утренняго чая начиналось пользованіе парашей.

Такой порціон пищи в полдень и в 6 часов вечера. В 7 часов арестованные укладывались спать.

Размѣр клѣтки 3 на 4 шага. Разговаривать не только с сосѣдними камерами, но даже между собой—нельзя. Дѣлаем это во время случайных отлучек часового.

Единственная прогулка—во время выноса параши на двор. Параша выносится всѣми по очереди. Таким образом, шанс подышать свѣжим воздухом в теченіе 3—5

минут и случайно издалека увидѣть близких, толпящихся у штаба—через пять дней в шестой.

Освоившись болѣе или менѣе с обстановкой, я пытался заговорить с сидѣвшим здѣсь уже мѣсяц Олейниковым. Оказалось это дѣло безполезным - Олейников к этому времени лежал без движенія, с поврежденными на допросах ушами, из которых текла сукровица. Он не слышал... Кромѣ того, у него было сломано ребро. От битья по поясницѣ, повреждены почки—он мочился кровью. На спинѣ и груди лохмотьями висѣла кожа, разъѣдаемая вшами. Он не в состояніи был даже подниматься на парашу. Помогал ему и очищал от вшей товарищ по несчастью, служащій К.В.ж.д. китаец Пан Мао-сян.

В теченіе мѣсяца Олейникова били 11 раз, воду в нос лили насчетное число раз, 4 раза он под пытками терял сознаніе. Били его главным образом русскіе: Мустафинов, Рычков, Вощило. Требовали от Олейникова показанія, что он, во главѣ с проживающими на копях легитимистами, готовился поднять возстаніе в пользу СССР и перебить всѣх членов РНО.

Необходимо отмѣтить невѣроятную озлобленность русских полицейских чинов против легитимистов. Расправлялись с ними невѣроятно жестоко, приписывая им подготовку возстанія по всей Маньчжуріи против японцев в пользу совѣтов, по указанію руководящих центров легитимистов.

Семенов, Бочкарев, Олейников, Озырянскій дали под диктовку показаніе, что за ловкую подготовку возстанія, Мулакевич получил от В. К. Кирилла Владиміровича производство в подпрапорщики и портрет.

Глава легитимистов в Маньчжу Го, генерал В. А. Кислицын, служащій в полиціи, от ходатайства за арестованных единомышленников уклонился.

Вскорѣ всѣ организаціи легитимистов, довольно многочисленныя и сплоченныя, были разгромлены, Кислицын от представительства отказался, получив назначеніе от властей Маньчжу Го на пост начальника Дальневосточнаго Союза Военных при Бюро Россійских эмигрантов.

Брусѣнко пыток не выдержал и под диктовку Вощило, стал давать бредовыя показанія, что он является политическим комиссаром СССР, что давал Жебровскому клятвенное письменное обѣщаніе работать в пользу СССР и т. п.

Сколько мы не стремились отвлекать свои мысли от этой страшной обстановки, всѣ разговоры велись вокруг ожидаемых допросов.

НАС ДОПРАШИВАЮТ

Мы, сидѣвшіе в клѣтках, полные животнаго страха за наступающій день, избитые, невольные свидѣтели страшных истязаній своих товарищей, ожидавшіе в любой момент вызова на пытки, были в несравненно худшем положеніи, чѣм кролики, над которыми продѣлыва-

ют вивисекцію. Нам было дано высшее благо — разум при кроличьем положеніи.

Первыми из нашей группы на допрос вызвали Семенова и Бочкарева. С замираніем сердца, с разными предположеніями ждали мы возвращенія допрашиваемых. Прошло часа два. Но вот и возвращаются. Семенова с почернѣвшим, распухшим лицом ведут под руку. Он дѣлает рукой какіе то знаки, показывает на рот, видимо просит пить. Бочкарева двое несут на рукахъ. Нога у него безпомощно висит. За ними идет улыбающійся Рычков, и без шапки с надувшимися на лбу жилами, с блестящими возбужденными глазами, Вощило.

При видѣ этой картины, я почувствовал, как подкосились у меня ноги и я невольно опустился на сложенное у стѣны пальто.

Весь подвал возившійся и шептавшійся, потрясенный этим видом, сразу умолк.

Со слѣдующего дня стали вызывать на допрос других моих сослуживцев и возвращать в таком же приблизительно видѣ.

Принуждали под пытками показывать, что русскіе участники предпріятія бр. Скидельскіе — из которых один является португальским консулом, поручили Брусіенко в опредѣленный день взорвать динамитом шахты и при участіи Олейникова, поднять на копях возстаніе в пользу Совѣтов.

Каждому подсказывали его роль: кто агент Г.П.У., кто связист с красными заставами на совѣтской границѣ, кто с К.В.ж.д. доставлял на копи динамит.

По подсказкѣ Вощ ило, участников доставки динамита и переотправки его на копи, в количествѣ трех пудов, оказалось человѣк десять. В тоже время на копях хранилось в запасѣ для подрывных работ около 150 пудов динамита!

Вскорѣ вызвали на допрос и меня. Опять предупрежденіе о искренности и требованіе разсказать, как организовывалось возстаніе. Ничего не понимая, чего от меня хотят, пытаюсь доказать абсурдность подобнаго обвиненія. Вощ ило хватает стоящую в углу специальную палку и начинает меня избивать.

— Не будешь говорить, забьем палками и завтра к чертовой матери, на свалку... — предупреждает он.

В концѣ концов, берет бумагу и рисует какую то дикую схему взаимоотношеній по конспиративной и политической работѣ: во главѣ Скидельскій и совѣтскій консул, от него идут отвѣтвленія к Брусѣнко, от него в Пограничное Совѣтское консульство, ко... мнѣ... Совѣтует в камерѣ обдумать и завтра дать по этой схемѣ показанія. Кромѣ того, предлагает мнѣ предупредить всѣх сидящих в камерах не сопротивляться при допросах—т. к. это безполезно, в крутых мѣрах стѣсняться не будут.

Олейникова начинают водить на перевязки—стал поправляться. Спрашиваем его, как быть? Совѣтует валить на себя всю вину, т. к. выхода никакого, всѣх изобьют, искалѣчат. Начинаем по камерам сговаривать-ся, распредѣлять свои «преступныя» роли.

С копей приводят дополнительно арестованных: горнаго десятника А. И. Горбунова, дорожнаго мастера И. Ф. Степанова, ученика мастерских Крюкова, родственника Олейникова—Епифанцева.

Горбунов—старик лѣт 60-ти и Степанов сильно избиты при допросѣ на копях. У Степанова от изтязаній недержаніе мочи. Он в прошлом—военный; ушел на войну мальчишкой-добровольцем, закончил капитаном гвардіи с золотым оружіем.

Разсказывает, как избивали: велят ложиться—лег.

— Идейный коммунист, мерзавец, сам ложится! — замѣчают палачи.

Степанову предъявлено обвиненіе в организаціи нападенія на японскій гарнизон.

Навязав ему роль организатора хунхузских шаек для нападенія на японскій гарнизон, потребовали от него разсказа деталей этой организаціи:

— Ну, разсказывайте, как вы с хунхузами в переговоры вступали?—спрашивают его.

— Да вот выйду на сопку, руками помашу, помашу, а хунхузы и бѣгут ко мнѣ...—отвѣчает Степанов.

— А дальше?..

— А дальше, иду на другую сопку, опять помашу руками...

— А что с японцами хотѣли вы сдѣлать?

— Загонять их в рѣку и топить...

— Сколько же вам требовалось для этого хунхузов?

— Да так тысяч полтораста!—указывает Степанов первую попавшуюся на ум фантастическую цифру.

От Горбунова требовали показанія, что Брусіенко сдѣлал ему распоряженіе быть руководителем по взрыву шахт.

Старик ничего не понимая, стал отказываться. Силь, но избили, а затѣм привели его сына Александра-юношу лѣт 22-х, и предупредили, что сейчас при нем станут избивать сына*). Обезумѣвшій Горбунов стал давать какіе то бредовыя показанія.

Послѣ дополнительных допросов и угроз избіеній, Горбунов и показаніе дал какое требовалось, и взял на себя страшную роль доносчика в штаб о всѣх разговорах между арестованными. Будучи глуховатым, он уговорил своего товарища по клѣткѣ, служащаго К.В.ж.д. юношу Сорочинскаго, подслушивать и передавать о чем камеры перешептываются.

25 октября привели в подвал и посадили в исключительно страшную, маленькую темную камеру-клѣтку

*) Бил Горбунова чин русской самоохраны Фомичев.

№ 6, русскаго управляющаго копями, милѣйшаго человѣка, Ю. А. Блажевича.

Часовой ушел. Мы стали его информировать о положеніи. Он нас успокоил тѣм, что все это слѣдствіе под палками ведется здѣсь низшими полицейскими чинами, что закончиться оно здѣсь не может, должно поступить к прокурору, гдѣ выявится абсурдность всѣх этих показаній.

Я разсказал, как меня пытали на допросах.

Все это Горбуновым было передано в штаб, и я был за этот разсказ невѣроятно избит.

Вскорѣ Горбунов был отпущен на свободу и возвратился обратно на копи. Предполагая, что всѣ мы, оставщіеся в подвалѣ, на свободу никогда выпущены не будем, стал разсказывать, как он нам «мерзавцам» не давал сговариваться, ставя обо всем в извѣстность Вощило.

ХАРБИСКАЯ „НЕЗАВИСИМАЯ“ ПРЕССА.

Харбинская газета «Русское Слово» (№ 2599 I-XI) под заголовком «ВРЕДИТЕЛИ С МУЛИНСКИХ КОПЕЙ» номѣстила в это время о нас слѣдующую замѣтку:

— «По полученным в Харбинѣ свѣдѣніям, на днях на ст. Пограничная властями был арестован управляющій Мулинскими копями горный

инженер Блажевич. Одновременно с ним арестованы старшіе агенты копей Гинх и Брусіенко.

Как сообщают, аресту Блажевича, Гинха и Брусіенко предшествовали слѣдующія обстоятельства:

Нѣсколько времени тому назад на ст. Пограничная был убит русскій эмигрант Листопадов, занимавшій скромную должность сторожа Ниппонской военной миссіи.

Долгое время власти не могли обнаружить виновника этого убійства. Случайный арест одной женщины повлек за собой раскрытіе ряда важных деталей этого убійства.

Оказывается, Листопадов был убит по распоряженію совѣтскаго консульства в Пограничной, которое подготовляло налет на миссію. Была организована для этой цѣли цѣлая группа террористов, которые получали инструкціи непосредственно от консульства.

Разслѣдованіе показало, что имѣются члены преступной организаціи и в составѣ служащих Мулинских копей, в результатѣ чего и послѣдовали аресты.

В связи с арестом Блажевича, в руки властей попали новыя данныя о работѣ преступной организаціи. Послѣ ареста Блажевича и других

старших агентов копей, из Харбинскаго правленія копей была послана телеграмма об увольненіи 7-ми служащих.

Передают, что в ближайшее время слѣдствіе по этому дѣлу будет закончено.» —

Итак, харбинская пресса произвела нас в убійц какого то сторожа. Даже ловкій Вощило, распредѣляя под палками нам роли агентов Г.П.У. до этого не додумался. Как впослѣдствіи я узнал, Листопадов служил конюхом у Шепунова и убит был своим земляком в пьяной дракѣ.

Роль Гросмана в разгромѣ предпріятія арестами чуть ли не половины служащих была настолько ясна, что главная контора уволила его со службы и все его окруженіе из РНО.

По этому поводу газета «НАШ ПУТЬ» (№ 385 4-IX) помѣстила под громадным заголовком СКИДЕЛЬСКІЕ В РОЛИ ПОСЛУШНЫХ СЛУГ КОМИНТЕРНА. СВОЕОБРАЗНЫЕ ПОРЯДКИ НА МУЛИНСКИХ КОПЯХ: ЭМИГРАНТОВ УВОЛЬНЯЮТ, А «СВОИХ» «ПРИНИМАЮТ» —замѣтку такого содержанія:

— «Ко.ечно, никто и никогда не сомнѣвался в том, какіе именно функціи исполняют в Маньчжу-Ди-го «иностранцы» типа Скидельских,—никто и никогда не отрицал, да и не мог отрицать их связи с работой Коминтерна в Маньчжуріи.

Но происшедшій на днях фактъ особенно ярко подчеркнулъ, какими способами это служеніе большевистским интересам осуществляется и до какой наглости могут дойти порой г-да «португальцы»—в стремленіи доказать преданность своим коминтерновским шефам.

Всѣм уже, конечно, хорошо извѣстны скандальныя подробности арестов ряда вредителей на Мулинских копях, во главѣ которых стоял инж. Блажевич—управляющій копями и правая рука Скидельских, а в числѣ остальных находились старшіе агенты копей Гинх и Брусіенко.

Они стояли во главѣ организаціи, убившей скромнаго русскаго эмигранта Листопадова, бывшаго сторожем Ниппонской военной миссіи, с цѣлью подготовки налета на нее.

Они же стояли во главѣ организаціи, убившей священника о. Павла Голіенко и увезшей в СССР ряд видных бѣлых эмигрантов, в числѣ которых был и полк. Рудых и ряд других.

В связи с арестами главарей преступной организаціи в руки властей попало немало новых данных о подрывной дѣятельности совѣтских агентов в Маньчжуріи. Конечно, организація столь кропотливо и конспиративно создававшаяся оказалась открытой.

Как же реагировали на этот скандал г-да Скидельскіе? Немедленно по полученія первых свѣдѣній о разгромѣ вредительской организаціи у себя на копях, они посылают телеграмму об увольненіи ряда отвѣтственных агентов-эмигрантов и начинают набор новых служащих, которым первым требованіем предъявляют обязательное отсутствіе каких либо бѣлых политических убѣжденій.

Казалось бы, что это звучит по меньшей мѣрѣ нелогично: немедленно по арестѣ красных вредителей, увольнять оставщихся агентов-эмигрантов, всегда лойяльных власти Маньчжу-Дигo и объявлять о пріемѣ новых красных вредителей на их мѣсто.

А по «португальски» это, наоборот, получается логично. Раз организація с таким трудом налаживавшаяся в теченіе многих лѣт этими послушными слугами Коминтерна раскрыта, нужно немедленно создать ее вновь; а раз служащіе с «бѣлыми убѣжденіями» в этом отношеніи не принесут пользы, наоборот, могут немало и навредить, слѣдовательно их нужно немедленно убрать, замѣнив надежными Коминтерновскими слугами или по крайней мѣрѣ подголосками большевиков».

Уволенный распоряженіем Управляющаго Дѣлами Товарищества, Гросман сдать завѣдываніе механическим отдѣлом пріѣхавшему замѣстителю отказался. Случай возможный только в условіях созданной в предпріятіи японцами анархіи! Спустя мѣсяца два, по настоянію японской жандармеріи, Гросман был возстановлен в должности.

СНОВА ПОДВАЛ

Возвратимся вновь в подвал Пограничeнского отряда.

Вечер. 9 часов. Всѣ расположились на ночь, но никто не спит.

— Олейников, пошли!—раздается рѣзкій голос входящаго Мустафинова.

— Куда?—задает тревожный вопрос Олейников.

— На ту сторону (в СССР)! — отвѣчает Мустафинов. Щелкает замок, выводят Олейникова. Вскорѣ повели в штаб Брусіенко, Блажевича, Бутикова и меня.

Размѣщают по разным комнатам, начинают допрашивать.

Меня допрашивает от безсонной ночи пьянства усталый Меликов. Я «плыву», т.е. даю показанія по подсказкѣ, без сопротивленія. Отношенія поэтому, ко мнѣ становятся хорошими. Меликов, под диктовку Вощило, записывает яко-бы мои показанія, что я был

свидѣтелем разговора пріѣхавшаго из Харбина Брусіенко с Блажевичем о полученном распоряженіи Скидельских взорвать динамитом шахты. Требуют от меня показать детали этого разговора—начинаю придумывать и говорю, будто Брусіенко сказал такую фразу: — «абсурдное распоряженіе, но что подѣлаешь, на то хозяйская воля»...

Получается какое то правдоподобіе. Палачи-слѣдователи довольны, предлагают курить, Меликов угощает конфектами.

Со мной допрос закончен. Ждем остальных показаній и увязки их между собой. Вощило бѣгает из комнаты в комнату и увязывает. Все идет хорощо.

Комната, в которой мы сидим, является спальней драгомана Ямада. Широченная кровать, стол, заваленный книгами.

От нечего дѣлать, со скучающим лицом, Меликов берет со стола толковый русскій словарь В. Даля, и, зѣвая, разыскивает неприличныя слова.

Мустафинов, лежа в шинели поперек кровати, пытается завести со мной разговор.

— Здорово вы вѣроятно, на меня злитесь, за то, что я вас бил?—спрашивает он меня. Я стараюсь уклониться от этого разговора.

— Вот хунхузы здорово бьют своих плѣнников — продолжает Мустафинов.—Когда я ѣздил шоффером в

провинцію, захватили моих пассажиров и звѣрски их били.

— Неужели хуже тебя звѣрствовали?—вяло перебивает Меликов его разговор.

— Мнѣ Хасивада говорил, что даже японскій консул в Пограничной знает, как я бью...—самодовольно замѣчает Мустафинов.

Поздняя ночь. Через окно на черном небѣ видна луна. Слышится лай собак. Из нижняго этажа доносится характерный крик утопающаго, на высоких нотах: а... а... а...

Это кого-то внизу пытают водой.

— Коты кричат!..—подмигивая, замѣчает Мустафинов.

В 2 часа ночи возвращают нас в клѣтки. На слѣдующій день вызывает меня Щепунов. Разговаривает со мной вѣжливо, на верандѣ штаба, без свидѣтелей.

— Почему вы возводите на себя напраслину?—говорит он. — Вѣдь вы не присутствовали в кабинетѣ при разговорѣ Блажевича и Брусіенко о взрывѣ шахт?

Я долго пытливо всматриваюсь в глаза Шепунова и рѣшаюсь сказать правду.

— Да, это ложь!—отвѣчаю.

— Зачѣм же вы это дѣлаете?—спрашивает Шепунов.

— Да потому, что меня заставляют избіеніями это дѣлать!

— Чѣм же вы объясните, что нѣкоторых арестованных мы пальцем не трогаем?—задает мнѣ он странный вопрос, на который я не состояніи отвѣтить.

— Вы от всего этого могли быть избавленым; вѣдь я предлагал вам в прошлом году работать с нами, — не согласились, пеняйте на себя...—добавил тут же Шепунов.

Таким образом, от своего нелѣпаго показанія я отказался. Прошел день. Вызывает меня Вощило. Вижу-надулись жилы на лбу — признак раздраженія. Берет палку и начинает меня бить за отказ от показанія.

Вновь подтверждаю, что я БЫЛ свидѣтелем разговора о возстаніи, между Блажевичем и Брусіенко, и что отказался от показанія по недомыслію.

Через нѣсколько дней, во время очереднаго допроса Вощило, вошел Шепунов и стал допытываться, почему я отказался от сдѣланнаго ему заявленія. Вощило злыми ожидающими глазами слѣдил за мной.

— Как быть?

Начинаю подло вилять, что де-разговор был такой, что можно было подумать о взрывѣ, возстаніи, но можно было предположить и другое.

Мало того, Шепунов привел на очную ставку Брусіенко. Он к этому времени был совершенно раздавлен, низко кланялся, повторяя: — «Да, да, все покажу, все разскажу... был разговор о возстаніи»... Блуждающи-

ми, дикими глазами оглядывался назад, ожидая очевидно, обычнаго удара дубиной по поясницѣ.

Шепунов принял очень любезно пріѣхавшаго в Пограничную моего сына, завѣрил его «честным словом русскаго офицера», что меня пальцем не тронут и в ближайшее же время отпустят на свободу.

Как меня истязали послѣ честнаго слова Шепунова, в его же присутствіи!..

Допросы «без пристрастія» велись обыкновенно в канцеляріи штаба; «с пристрастіем»—в сосѣднем мрачном двух-этажном зданіи—общежитіи японских служащих отряда.

Послѣ этих первых допросов было безконечное число их. Меня допрашивали раз тридцать. Были неудачные—с пытками, пощечинами; удачные — спокойные, с угошеніем шоколадом, папиросами.

— Мы вѣдь на вас злобы не чувствуем—говаривал Вощило,—вы агент Г.П.У., наше учрежденіе—тоже Г.П.У! Вы нам попались, мы вас не щадим, но если мы вам попадемся, вы нас тоже не пощадите...

Все для него было ясно и опредѣленно...

8 ноября нам предъявили новое обвиненіе: будто бы в подвальном помѣщеніи копей администрація хранила оружіе, полученное из СССР на случай возстанія.

Первым по этому поводу допросили Бочкарева. Показал все, что требовали:—оружіе-де на арбах доставля-

лось с совѣтской границы в контору под руководством комиссара Лукашева.

Вернувшись в камеру, Бочкарев передал нам содержаніе допроса и показанія. Когда затѣм вызвали меня, я довольно гладко продолжал фантазировать относительно доставки оружія. Споткнулся лишь на одном мѣстѣ:

— Какой раіон распространенія вліянія комиссара Лукашева?—спрашивает Вощило.

— До ст. Лукашево!—не моргнув глазом, отвѣчаю я, так всякое в таких случаях промедленіе «смерти подобно».

Все сошло бы очень хорошо, если бы не информація Горбунова о подвальных разговорах.

9 ноября к вечеру разыгралась мятель. В камерных трубах уныло выл вѣтер. Камеры наполнялись ѣдким дымом, не проходившим в трубы из-за вѣтра. На душѣ у меня появилось какое то жуткое предчувствіе. Часов в 6 вечера Мустафинов вызвал меня и повел в штаб. Рѣдко вызывали в неурочные часы. Меня этот вызов удивил.

В канцеляріи штаба на своем обычном мѣстѣ мѣстѣ сидѣл начальник юридическаго отдѣла японец, полукругом в подчеркнуто непринужденных позах — русскіе полицейскіе и драгоманы—японцы.

— Снимай пальто!—скомандовал Рычков.

— В чем дѣло?—испуганно спросил я.

— Бить будем!—кратко пояснил Рычков.

Сорвали с меня пальто, бросили меня на пол. Мустафинов сѣл мнѣ на голову. Рычков и драгоман Базаки взяв по дубинѣ, стали меня избивать.

— Убейте меня!—диким голосом кричал я и молил свох палачей.

— Нѣт, мерзавец, мы тебя не убьем, мы забьем... —заикаясь отвѣчал мнѣ Шепунов.—Невиновных мы освободим, маловиновных отправим в СССР, а тебя за-за-забьем!..

Вновь началось избіеніе. На мои душу раздирающіе крики раздавался в отвѣт хохот присутствующих. Хохотал, широко раскрыв рот и показывая красивые зубы Майшев, недоучившійся студент, товарищ по институту моего сына. Душил смѣх Шепунова, прикрывавщаго ладонью рот. Смѣялся от души, что то щепелявя, Рычков. Я повел безумными глазами, и видѣл, что всѣ хохотали, кромѣ Дегтева, который втягивая в себя голову, изображал на лицѣ жалкую гримасу...

— Что это—я сошел ума или всѣ мои палачи?

Били меня за «ложное показаніе» относительно оружія: но вѣдь всѣ мои показанія представляли собой одну дикую сплошную ложь и фантазію.

— Прохвост, иди и кончай с собой...—заявил мнѣ Ямада,—мы все равно тебя живым отсюда не выпустим...

Разбитаго, еле передвигающего ноги, отводил меня Рычков в камеру.

В нѣскольких десятках шагов залито было электричеством, на красном фонѣ, зданіе Пограничeнскаго Совѣтскаго консульства. Праздновалась Октябрьская Революція.

Смотря на это своими затекшими кровью глазами, мнѣ казалась эта иллюминація сплошным морем крови. Бѣжав в свое время от ужасных послѣдствій этой празднуемой революціи, теперь я шел, избитый, самооболганный в причастности к коммунизму, полный страшных переживаній.

Вѣроятно вид у меня был очень жалкій по приходѣ в подвал: — часовой японец, вынув изо рта сигаретку—протянул мнѣ—рѣдкая милость. Что то прилипло на спинѣ к тѣлу; я снял рубашку — оказывается запеклась кровь. Я не мог ни сидѣть, ни лежать. Весь распух, и от головы до пяток представлял сплошной синяк.

Итак, жребій брошен!.. Давно мысль останавливалась на самоубійствѣ а теперь еще подсказывают мои палачи. От всѣх я прятал в камерѣ 3-х вершковый гвоздь. Вот теперь он мнѣ пригодится. Заснули мои товарищи по камерѣ. Осторожно, стараясь не возбудить

вниманія шагающаго по корридору часового, стал я дѣлать послѣднія приготовленія. Нашел и положил в карман гвоздь. Завернул в полотенце бутылку из под молока, обвязал веревкой, чтобы не скользила. Пролежал всю ночь в страшной физической боли от избіенія. Мысленно распрощался с дѣтьми, со страдающей женой, которую видѣл на днях стоящей у штаба, с деревянным, перепуганным лицом слѣдившей за мной, потерявшим человѣческов облик, обросшим бородой, идущим на допрос-пытку...

Около семи часов утра потухло электричество. Я поставил над лѣвым соском остріем вниз под прямым углом гвоздь и, сильно размахнувшись, ударил по гвоздю бутылкой. Гвоздь стал входить в грудь, сворачиваясь влѣво... Страшная боль внутри, но нѣт желаннаго обморока...

Хватаю ногтями за шляпку гвоздь, с противным чувством, с усиліем вытаскиваю, вновь ставлю под прямым углом ниже и размахиваю бутылкой.

Замѣтив мой подозрительный жест, сосѣд по камерѣ Крюков выхватил бутылку из моих рук, отнял гвоздь, и то и другое передал Лобису.

Попытка покончить с собой окончилась неудачей. Не судьба...

Утром Рычков повел меня на допрос. Избитый, обезволенный, я показывал все, что от меня хотѣли.

Не смотря на это, мой слѣдователь все время хватался за палку.

Требуют от меня показанія, что у русскаго управляющаго копями на квартирѣ находилась радіо—станція для связи с Пограничeнским Совѣтским консульствоми и с красной заставой на совѣтской границѣ. Мнѣ становится стыдно давать такое нелѣпое показаніе интеллигентному человѣку, технику.

— Вы, кажется, техник? — спрашиваю я Рычкова.

— Даже радіо - техник! — отвѣчает.

— Тогда вы должны понять, что показанія мои абсурдны: вѣдь устройство радіо - станціи не так просто; достаточно простѣйшей экспертизы, чтобы убѣдить, что у управляющаго был простой радіо-пріемник.

— Да, но мы знаем случай оборудованія радіо — станціи в частной квартирѣ! замѣчает Рычков и заставляет показывать, что радіо—станція у Блажевича была, что на ней работал живщій у Блажевича слесарь Военнов (студент) и что наблюдал за технической исправностью Лаврушин.

Но вот прищел страшный Мустафинов.

— Идем в подвал, мерзавец! — вдруг начинает он тащить меня за рукав,-там мы расправляемся с самыми отъявлеными прохвостами!

Мнѣ вспомнился разсказ вернувщагося с допроса

Сорочинскаго, что его заставляли в подвалѣ садиться на раскаленную печку.

Чувствую, как начинают по спинѣ бѣгать муращки, сбѣгаются на затылкѣ и поднимаются дыбом волосы.

Ведут меня не в подвал, сцеціальный для особых пыток, а в нижій этаж.

У стола без пиджака сидит Ямада., Перед ним, завязанный в станок, лежит мокрый от пыток водой, трясущійся Бочкарев. Тут же стоит Щепунов в позѣ лихого кавалерійскаго офицера, подперев руками бока.

С надувшимися на лбу жилами мечется по комнатѣ Вощило.

— У кого, кромѣ Блажевича, были воздушные телефоны для связи с красными? — стуча кулаками по столу, кричит Вощило,

— У... у... у... Му... ла... ке... е... вича — стуча зубами отвѣчает Бочкарев. Такой же вопрос задает Вощило и мнѣ. Отвѣчаю незнаніем. Меня бросают на пол и начинается пытка водой.

— Ска... а... жу!—кричу я диким голосом, давясь от воды и собственных рвотных изверженій.

В это время Ямада что то спрашивает лежащаго на полу связаннаго в станкѣ Бочкарева и бьет его ногой.

Входит второй драгоман, коренастый Хасивада.

— Вставай! — кричит он, увидѣв меня, и сильным ударом кулака снизу по подбородку помогает мнѣ встать. Я дрожащим срывающимся голосом передаю фантазію, что мнѣ было извѣстно о наличіи в квартирѣ Мулакевича телефоннаго радіо-аппарата, с упрощенным устройством, для сношенія с красными заставами и с совѣтским консульством. Начинают снова бить за то, что не сознался сразу.

Хасивада, видимо, скучает. Подходит ко мнѣ и пріемом джіу-джитсу берет меня за грудь и перебрасывает через плечо на пол. Приказывает подняться. Ставит к холодной желѣзной печкѣ и кулаком бьет по лицу, по головѣ. Его смѣняет Ямада, Вощило, Мустафинов.

Всѣ уходят совѣщаться в сосѣднюю комнату. Остается с нами только что вошедшій Меликов. Чувствую что начинаю терять сознаніе. Обращаюсь к Меликову с просьбой разрѣшить сѣсть, так как с сердцем неладно.

— Нам, видите ли, — отчеканивая медленно слова, говорит Меликов, — на ваше сердце в высшей степени на....., — и вводит, не вынимая из кармана, в ствол браунинга пулю.

— У, мерзавец, комиссар! — рычит он злобно, из-подлобья смотря на меня.

СУДЬБА МУЛАКЕВИЧА

Невѣдомая судьба пєстигла Мулакевича, о котором только что упоминали на допросѣ.

К моменту организаціи РНО на копях, в началѣ 1933 года, монтер А. В. Мулакевич, дѣльный работник, по характеру очень молчаливый, попал в эту организацію. Вскорѣ, по копям поползли странные слухи, что ему поручено убить, по каким то невѣдомым политическим мотивам—Брусіенко, Лаврушина и меня. Узнав об этом, я обратился к Мулакевичу за разъясненіем. Он смущенно заявил, что это неправда. Я предожил очную ставку с лицом, поставившим меня об этом в извѣстность — Мулакевич от этого уклонился.

Видимо замѣтив, куда ведет его участіе в РНО, он вскорѣ оттуда ушел. Уход его сопровождался ненавистью со стороны РНО. Осенью 1933 года он попадает вмѣстѣ с нами в Пограничєнскій подвал.

В серединѣ сентября 1934 года, послѣ ареста Олейникова и Брусіенко, вечером 5-тичасовым поѣздом на копи пріѣхал Шепунов с драгоманом Хасивада. Уѣхали они ночью обратно часа в 2-3.

В этот же вечер произошло с Мулакевичем загадочное происшествіе. В 7 часов вечера на квартиру Мулакевича раздался телефонный звонок. Какой то китаец на китайско-русском жаргонѣ заявил ему, что на шахтѣ № 1 испортился камерон, просит зайти посмотрѣть.

Придя на шахту, Мулакевич застал удивленнаго дежурнаго слесаря Ли-сана, заявившаго, что все в порядкѣ, и он никого не вызывал, и Мулакевич — выйдя из шахты исчез навсегда: всѣ поиски сослуживцев охотников, предпринятые на слѣдующее же утро, не дали никаких результатов. До настоящаго времени неизвѣстно, какая его постигла участь.

В тот же вечер, около 7 часов, шел по направленію к шахтѣ № 1 десятник Стуков. Из канавы раздался свист. Испуганный Стуков повернул домой. Предполагать похищеніе Мулакевича хунхузами не приходится: похищеніе для них является чисто коммерческим дѣлом; уведя плѣнника в укромное мѣсто, хунхузы вскорѣ посылают своего уполномоченнаго для веденія переговоров о цѣнѣ выкупа.

Невозможно себѣ представить и бѣгства Мулакевича, человѣка, страдавшаго сердцем, не-охотника, не знающаго троп в этой дикой мѣстности, оставившаго на произвол судьбы старушку-мать, о судьбѣ которой он так волновался, отсиживаясь с нами в Пограничном подвалѣ в 1933 году.

За нѣсколько дней до этого происшествія, ко мнѣ в собраніи подсѣл Мулакевич и стал мнѣ жаловаться на слухи о предполагающейся расправѣ с ним и с рядом других лиц от Вощило. Я стал его успокаивать, указывая на то, что Вощило хотя и полицейскій низшій чин, но все же представитель власти и на беззаконіе не

пойдет. На это Мулакевич мнѣ отвѣтил, что он с ним знаком еще до того момента, когда Вощило состоял на службѣ в японской, жандармеріи, и что это человѣк положительно ни перед чѣм не останавливающійся в проведеніи своих замыслов.

Арестованных впослѣдствіи Семенова и Бочкарева Вощило страшно избивал, требуя показаній. что они провожали Мулакевича, отправлявшагося якобы - на совѣтскую сторону. Истязуемые дали требуемыя показанія, хотя Бочкарев к моменту изчезновенія Мулакевича находился в церкви, управляя хором, а Семенов был дома.

ЕЩЕ ОДНО...

Вспоминается мнѣ еще одно избіеніе. Вызвали меня из подвала и передали Вощило, Он повел меня в двухэтажный дом. Признак скверный. Нагоняет Шелунов и кричит:

— Иван Арефьевич, поскорѣе кончайте...

— Хорошо, — отвѣчает Вощило, — пришлите мнѣ Валерку. Так звали всѣ полицейскіе страшнаго палача Мустафинова. Приведя меня комнату Вощило с бѣщеными криками заявляет, что вызвал меня спеціально для того, чтобы наказать за неискренность.

— Веревку!—командует Вощило появившемуся Мустафинову.

В сосѣдней комнотѣ Хасивада допрашивает Семенова и для того, чтобы не долетали мои крики, закрывает двери и заводит на виктролѣ какой то вальс.

Я начинаю молить Вощило о пощадѣ: ужас меня берет при видѣ проходящаго мимо окна с веревкой Мустафинова.

Вошедшій Мустафинов с плащадной бранью ставит посрединѣ комнаты спеціальный станок (вид разрѣзаннаго поперек мельничнаго колеса) и велит мнѣ ложиться в него, и привязывает меня к нему с ног до шеи.

— Теперь будешь говорить! — стучѣ кулаком по столу, кричит Вощило. Входит Рычков.

— Иван Арефьевич, оставь е его нам! — просит Рычков.

Мустафинов и Рычков, взяв по дубинѣ, начинают методически меня, завязаннаго, избивать. Дергаясь от невыносимой боли, я оцарапал ботинком палец Мустафинову, когда он крѣпче старался стянуть вокруг меня веревки. Избитый, полуживой, я жалобно молил своих палачей прекратить истязаніе, обѣщая дать любое показаніе.

Пытка кончена... Я поставлен у печки; Мустафинов прижигает іодом царапину на пальцѣ, затѣм подходит ко мнѣ и долго бьет меня кулаком по лицу и голову и за эту царапину.

Никаких вопросов во время этого истязанія мнѣ не задавали.

АРЕСТЫ... АРЕСТЫ

Время шло. Часть моих сослуживцев, послѣ допросов и подписанія продиктованных палачами показаній, отправили в Харбинскую тюрьму, гдѣ были человѣческія условія содержанія арестованных. Привезли с копей новыя группы арестованных служащих, от которых мы узнавали новости о положеніи предпріятія, о наших семьях.

Русскіе владѣльцы предпріятія, Скидельскіе—ничего не могли понять. Предполагая, что аресты вызваны дѣйствительно политиканством служащих, они всю первую группу арестованных и отправленных в Пограничную уволили от службы.

Несмотря на это, аресты продолжались, подбираясь, очевидно к верхушкѣ управленія предпріятіем. Обратились в Японскую Военную Миссію в Харбинѣ за разъясненіем — любезные, неопредѣленные отвѣты, что дѣло будет разобрано. Один из Скидельских поѣхал по этому дѣлу в Маньчжурскую столицу, в Синьцзин; там тѣ же любезные, неопредѣленные отвѣты.

Во время одного из вызовов в канцелярію штаба, Блажевич оказался свидѣтелем допроса арестованнаго сторожа кооператива Суезова (в прошлом лейб-казак).

— Можете вы нам разсказать, как вы встрѣчались с командиром красной заставы на границѣ? — задают Суезову вопрос.

— Могу! — охотно отвѣчает он. Пріѣхал это я на заставу, поздоровался за руку с командиром. Стал меня командир угощать чаем. Вот и говорит командир — получайте оружіе, а нужно будет, мы опять вам для возстанія отпустим оружіе!

— А по картѣ показать можете, гдѣ эта застава?

— Могу! — так же охотно отвѣчает Суезов, но не знает, куда ткнуть пальцем.

Настолько правдоподобна была ложь Суезова, что даже Блажевича взяло сомнѣніе: чего добраго, и на самом дѣлѣ ѣздил Суезов на границу?! Вчерэм того же дня, Суезов был отпущен на свободу. Кромѣ него из подвала были отпущены: Лобис, Майоров, Степанов, Горбунов и Чадточій.

Часть служащих, арестованных на копях, послѣ избіенія и «признанія» в проступленіях была также отпущена на свободу.

Вот сцены из допросов на копях.

Вызывают слесаря Андріевскаго. Вощило задает рафаретный вопрос об участіи допрашиваемаго на собраніи по организаціи возстанія.

— Не был я, Иван Арефьевич! Ей Богу, не был на том собраніи! — старается увѣрить Андріевскіи.

В отвѣт удар кулаком по лицу.

— Не призывай имени Господа Бога твоего всуе... — добавляет Вощило.

— Вспомнил, вспомнил!... — спохватывается Андріевскій, — как же был, послѣ собранія еще бутылку водки выпили...

— То то!... — замѣчает Вощило и начинает выпытывать подробности фантастическаго засѣданія.

Прямой и честный священник копей о. Илья Пыжев, узнав о творящихся истязаніях его прихожан, обратился к Вощило с заступничеством.

Вощило выслушал просьбу и вызвал только что допрошеннаго, распухшаго от побоев, юношу В. Евтухова.

— Ну-ка, разскажи батюшкѣ, как организовы али возстаніе...

Евтухов, опустивши глаза в землю, повторяет заученное показаніе, как Брусіенко дал распоряженіе взорвать шахты, Олейников перебить членов РНО и поднять возстаніе и прочую галиматью, выбитую дубинами...

Священник молчал...

Избитый на копях старшій кондуктор В. И. Ефимов, отпущенный затѣм на свободу, обратился затѣм за помощью к врачу копей. Доктор Бернадскій, проведшій всю войну на фронтѣ. увидѣв спину Ефимова, свалился в обморокѣ.

Р. Н. О.

Всѣм освобождаемым на копях ставилось условіем вступленіе к число членов Русскаго Національного Обще

ства. Тут же избитые распухшіе «преступники», подтягивая брюки на посинѣвшей поясницѣ, бѣжали в канцелярію РНО за анкетой на предмет вступленія в эту у ажаемую организацію. Гросман торжествовал: — не хотѣли честью записываться, так побѣжали под ударами дубины.

Широко раскрывались двери РНО только что «признавшимся» в государственных преступленіях: Мейерову-начальнику «подрывной команды», Степанову — «организатору нападенія на японскій гарнизон», Надточію — «красному развѣдчику» и другим.

ПРИВЕЗЛИ КУТИКОВА

18 декабря в Харбинскую тюрьму была отправлена партія наших сослуживцев в 10 человѣк. Нас в подвалѣ осталось лишь нѣсколько: Блажевич, Брусіенко, Олезников, китайскій управляющій копями Ду Дин-фан, китайскій завѣдующій горным отдѣлом Фу Чжан-юан и я. Кромѣ нас в подвалѣ 4 китайца по подозрѣнію в хунхузничествѣ.

Дня через четыре, полицейскіе, сопровождавшіе послѣднюю партію арестованных, привезли в подвал из Харбина китайскаго управляющего дѣлами Товарищества Чи Е-сан, и завѣдующаго секретарским отдѣлом Главной конторы, Е. Л. Кутикова.

Через три дня избитый на допросѣ Кутиков давал показанія, что он является агентом Коминтерна, назна-

ченный Совѣтским Генеральным консулом для наблюденія и контроля над антиправительственной коммунистической дѣятельностью Скидельских.

ХАРБИНСКАЯ ПРЕССА ПИШЕТ.

По поводу этих дополнигеных арестов «Харбинское Время» (№ 344, 20 декабря) писало:

ШИРОКАЯ СѢТЬ ШПІОНАЖА И ПОДРЫВНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРЕДПРІЯТІЕ БР. СКИДЕЛЬСКИХ.

НОВЫЕ АРЕСТЫ СОВ-ШПІОНОВ, ВРЕДИТЕЛЕЙ И ПОДРЫВНИКОВ.

АРЕСТ УПРАВЛЯЮЩЕГО ДѢЛАМИ КОПЕЙ г. ЧИ И ЗАВѢДЫВАЮЩАГО СЕКРЕТАРСКИМ ОТДѢЛОМ Е. КУТИКОВА, — РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЯ ДАННЫЯ.

— «Позавчера в главной конторѣ Мулинскаго Углепромыш еннаго То арищества, находящейся по Ажихейской улицѣ, чинами полиціи был арестован завѣдывающій секретарским отдѣлом Евсей Львович Кутиков 30 лѣт, и управляющій дѣлами Т-ва г. Чи.

Как г. Кутиков, так и г. Чи арестованы в виду точно установленной близкой связи с совѣтск им тайным шпіонским учрежденіем в Харбинѣ.

Вчера г. Кутиков и г. Чи, под усиленной охраной чинов полиціи, закованные в кандалы были отправлены в Пограничную, в распоряженіе мѣстных властей.

Дѣло Кутикова и управляющаго дѣлами копей является, по существу одним из самых крупных провокаціонных предпріятій Г. П. У. в Маньчжу-Ти-го.

Факт раскрытія этой грандіозной большевисткой затѣи дал полную возможность властям раскрыть обширный план шпіонской и подрывной работы коммунистов в Маньчжу-Ди-го.

В круг этой опасной и спеціальной работы было вовлечено нѣсколько десятков лиц, в большинствѣ служащих Мулинскаго Товарищества.

Центром подрывной шпіонской организаціи являлась главная контора Мулинских копей в Харбинѣ.

Первым и отвѣтственным работником шпіонажа являлся арестованный Е. Л. Кутиков (конечно, в спеціальном и нѣкоем опредѣленном направленіи).

Его правой рукой и помощником, ведшим разрушительную работу по маньчжурской линіи являлся управляющій дѣлами Чи.

Насколько значительна была роль Кутикова во всей работѣ, можно судить по тому, что из всей конторы и ея служащих единственным связующим с совѣтским консульством звеном, являлявлялся именно Кутиков.

Этот факт установлен неопровержимыми доказательствами, добытыми полиціей.

Власти располагают также точными данными о роли и значеніи в подрывной работѣ Чи.

Район Мулинских копей являлся базой нѣкой опредѣленной подрывной и шпіонской работы.

Работа на мѣстѣ велась по инструкціям и указаніям Кутикова и выполнялась нѣкоторыми служащими копей.

Позавчера часть их была доставлена в Харбин.

Арестованы слѣдующія лица: Т. А. Лисовскій, А. А. Хайновскій, И. Ф. Бочкарев, С. И. Воронин, Г.Ф. Бочкарев, Е. М. Епифанов, И. И. Семенов, П. С. Малаховсій, А. И. Лаврушин и маньчжур Лин Шу-син.

Всѣ эти лица, за исключеніем Бочкарева, являются служащими копей.

Через них осуществлялась вся мѣстная (Мулинская) очень важная, ввиду близости границы, шпіонская и подрывная работа.

Роль нѣкоторых арестованных еще разслѣдуется и возможно, что нѣкоторыя лица выполняли заданія, сами не зная, для какой истинной цѣли это нужно.

Е. Кутиков в Харбинѣ извѣстен многим.

Кутиков был принят в лучшем обществѣ города. Он появлялся на многих фешенебельных балах и был принят в богатых иностранных и русских семьях.

Он состоял членом мѣстнаго Яхт-Клуба и был членом и секретарем мѣстнаго спорти наго общества - НСО.

В семьѣ Скидельских Кутиков был свой человѣк. Особенно близким че овѣком он я лялся для Соломона Скидельскаго.

Такое положеніе Кутикова, конечно, вполнѣ соотвѣтствовало для назначавшейся ему широкой дѣятельности в качествѣ совѣтскаго шпіона.

Это же положеніе избавляло его от подозрѣній.

Кто знает, кого еще в своей шпіонской работѣ прикрывал Кутиков?

Его близкія родственныя связи с семьей Скидельских могут наводить на всякія мысли.

Прибытіе чинов полиціи в главную контору

Мулинскаго Товарищества и их заявленіе о том, они должны арестовать Кутикова, вызвало крайній переполох в семьѣ Скидельских.

Секретарь Главной Конторы - племянник Соломона Скидельскаго - Григорій Скидельскій больше всего волновался и бѣгал. Он подбѣжал к телефону и срочно вызвал «Модерн».

— Позовите мистера Флита!

Когда Флит, политическая репутація котораго хорошо извѣстна в Харбинѣ, подошел к аппарату, то Гр. Скидельскій нервно бро ил ему:

— У нас полиція! Очень опасно. Пріѣзжайте скорѣе!

Дѣйствительно, через 10 минут в автомобилѣ к конторѣ Товарищества подъѣхал Флит.

Он опоздал: автомобиль чинов полиціи с арестованными уже уѣхал.

Через Кутикова Главная контора Мулинских копей много лѣт находилась в полном контактѣ с совѣтским консульством.

Можно сказать, что обѣ организаціи совмѣстно работали над разрушеніем порядка в Маньчжуріи.

Конечно, все это не могло быть секретом для бр. Скидельских.

Характер, цѣли, задачи, пути широкаго совѣтскаго шпіонажа через Мулинское Т-во в лицѣ Кутикова и др. пока опубликованію не подлежат.

На слѣдующій день то же «Харбинское Время» писало:

—«КАКІЕ ВРЕДИТЕЛЬСКІЕ АКТЫ ВЫПОЛНЯЛ КУТИКОВ?

— ХАРБИН — МУЛИНСКІЯ КОПИ — ТУРІЙ РОГ. ПОѢЗДКА КУТИКОВА В ШАНХАЙ. ОТКРЫВАЮТСЯ НОВЫЯ ДАННЫЯ ИЗ ШПІОНСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ».

Открываются новыя данныя из шпіонской дѣятельности арестованого властямн Е. Кутикова и его «сподвижника» г. Чи.

По этим данным, фигура Кутикова, как шпіона, обрисовывается довольно полно. Кутиков представлял собой довольно опаснаго человѣка, своей работой систематически подрывавшаго порядок и спокойствіе в государствѣ.

Кутиков находился в постоянных и дѣятельных сношеніях с мѣстным совѣтским консульством. Он часто бывал там.

Кромѣ того, Кутикову видимо часто давались довольно щекотливыя порученія на юг Китая.

Он часто выѣзжал в Шанхай.

Так всего за нѣсколько дней до своего ареста, Кутиков вернулся из своей послѣдней поѣздки в этот город Китая.

Таким образом устанавливается, что как шпіон совѣтскаго учрежденія, Кутиков, несомнѣнно, во время этих поѣздок ссуществлял особыя заданія.

Это не является голословным утвержденіем. Факт выполненія шпіонских порученій Кутиковым в Шанхаѣ точно установлен.

Власти могли долго и пристально наблюдать очередныя шанхайскія экскурсіи Кутикова. Только послѣ послѣдней его поѣздки было рѣшено положить предѣл опасным занятіям этого молодого человѣка.

Разслѣдованіем нѣкоторых обстоятельств работы Кутикова также в точности установлено, что он является энергичным и активным руководителем обширной шпіонской работы в раіонѣ Мулинских копей — Турій Рог (совѣтская территорія).

Образованіе на копях шпіонской базы много упрощало и облегчало веденіе работы.

Этот восточный отрѣзок линіи СМжд находится достаточно отдаленно от центральных

полицейских и административных властей Маньчжу - Ти - го.

С другой стороны, Мулинскія копи расположены близко к совѣтской границѣ, что чрезвычайно упрощало задачу осуществленія шпіонажа.

Прикрываясь вывѣской коммерческаго предпріятія, контора Скидельских в Харбинѣ через свое отдѣленіе на копях занималось снабженіем партизан с совѣтской стороны одеждой, пищевыми продуктами, вооруженіем, огнестрѣльными припасами.

Здѣсь же осуществлялась работа связи бандитских шаек с совѣтским руководством.

В этом направленіи приграничное совѣтское населеніе на берегу оз. Ханка—Турій Рог играло самую важную роль.

Отсюда, из Турьяго Рога, шли всѣ указанія и инструкціи для боевой дѣятельности бандитских шаек, оперировавших на Восточной линіи СМжд. Установлено было, что шайки эти не только получали инструкціи от совѣтскаго руководства в Турьем Рогѣ, но часто оттуда же шло пополненіе людьми.

Были случай посылки на территорію Маньчжу-Ти-го цѣлых групп и отрядов партизан.

Турій Рог был также пунктом, откуда высылались агитаторы, пропагандисты и всякая подрывная коммунистическая литература.

Всей работой на копях руководил пользовавшійся большим довѣріем Кутикова и всей главной конторы, служашій Вечер-Вечеров (арестован в Пограничной.)

22 декабря в той же газетѣ «Харбинское Время» (№ 346) была помѣщена под заголовкам «ЗАКАТ СКИДЕЛЬСКИХ» слѣдующая замѣтка:

—«Послѣ ареста секретаря Соломона Скидельскаго по конторѣ Мулинских копей г. Кутикова, в семьѣ Скидельских парит неописуемая паника.

Как сам Соломон Скидельскій, так и его брат, числящійся довѣренным Семен Скидельскіи, а также его племянники складывают чемоданы и собираются уѣзжать из Харбина.

Всѣ хлопоты, начатые Скидельскими об освобожденіи Кутикова под поручительство кончились в Харбинѣ безрезультатно и поэтому, вчера Скидельскіе говорили своим знакомым, что они намѣрены начать хлопоты в Синьцзинѣ.

Интересно отмѣтить, что Соломон Скидельскіе несмотря на то, что он числится почетным Португальским консулом, на дѣлѣ состоит в совѣтском подданствѣ.

Так по крайней мѣрѣ, Сол. Скидельскіе говорил на судѣ.

Его довѣренный Семен Скидельскіи имѣет эмигрантскій паспорт, но хлопочет о полученіи иностраннаго подданства.

Всѣ многочисленные племянники, пристроенные к конторѣ Мулинских копей — англійскіе подданные.

Всѣ эти Скидельскіе собираются покинуть Харбин. Говорят, что правительство Португаліи намѣрено лишить Сол. Скидельскаго права называться португальским консулом.

Личный секретарь Сол. Скидельскаго, В. И Кауфман, числящійся секретарем португальскаго консульства, на дѣлѣ гражданин СССР, часто посѣщающій Совѣтское Ген. консульство. —

ЕМЬЯ СКИДЕЛЬСКИХ

Для полноты картины, скажу нѣсколько слово кидельских.

В девяностых годах прошлаго столѣтія, к началу роительства Уссурійской и Китайской восточной жел. рог, на Дальній Восток пріѣхал коммерсант Л. Ш. кидельскій, выявившій вскорѣ недюжинныя способности, иниціативу, и покрывшій рядом предпріятій риморскую область и полосу отчужденія К. В. ж. д.—

лѣсныя концессіи, лѣсопильные заводы, угольныя копи, мельницы и пр.

Послѣ смерти Л. Ш. Скидельскаго в 1916 г., человѣка создавшаго милліонное дѣло и пріобрѣвшаго чрезвычайную популярность за свою щедрость и великодушіе, в права владѣнія имуществом вступили наслѣдни и.

С приходом на русскій Дальній Восток совѣтской власти в 1922 г. всѣ предпріятія в Приморской области были національзированы.

Оставшіяся предпріятія в полосѣ отчужденія, из за создавшихся неблагопріятных экономических условій, стали хирѣть.

К этому моменту 1923—24 гг., один из наслѣдников Л. Ш. Скидельского, сын покойнаго, Соломон Леонтьевич создал «Мулинское Углепромышленное Товарищество.»

Мулинскому Товариществу принадлежали копи и желѣзная дорога, с милліонной стоимостью оборудованія. Вокруг этого дѣла кормились сотни русских э игрантов.

Удушеніем водой, палками нас заставляли давать показанія, по схемѣ Вощило: — созданіе копей совершенно не коммерческое предпріятіе, а коммунистическомасонское, и копи являются центром распространенія лжеученій чуть не по всему міру.

Один из драгоманов-японцев, видимо совершенно сбитый с толку нашими дикими показаніями и поясненіями к ним Вощило, обратился к нашим женам с заявленіем:

— Мы, японцы, знаем, что масонство вещь опасная, что с этим явленіем мы ведем борьбу, но почему Мулинскія копи стали «центром мірового масонства»— понять не можем!..

В ОДИНОЧЕСТВѢ

С доставкой в подвал Чи и Кутикова, меня перевели в темную маленькую клѣтку - камеру № 6. Размѣр камеры 1 ½ х 2 шага. Закопченныя стѣны, грязная на полу цыновка. В пасмурные дни не видно даже углов.

Шел четвертый месяц пребыванія в подвалѣ... Мы всѣ теряли человѣческій облик. Все мое тѣло покрылось сыпью и нарывами; ночью во снѣ я раздирал его от зуда ногтями до крови. Ногти на ногах стали врастать в пальцы. На руках ногти я обгрызал зубами. От грязи стали нарывать заусеницы на руках. Я оброс безпорядочной бородой и космами волос на головѣ. Ночью невѣроятно кусали блохи от спавших в коридорѣ собак.

Температура в подвалѣ зависѣла от случайностей: то печи-времянки разваливались, то часовой, уходя, оставлял настежь открытую дверь, при 25 градусах

мороза, От спанья на холодном полу стал меня мучить ревматизм.

Ко всему этому, я начинал моментами чувствовать приступы психическаго разстройства; невольно лѣз в голову какой то давно забытый случай далекаго дѣтства, и дальше помимо моей воли, развивались всѣ послѣдующія событія, с невѣроятной ясностью и рѣзкостью, до рисунков обоев, расположенія обстановки, цвѣта платьев, содержанія книг, рисунков в них... Я пытался переводить мысли на что-либо другое — не удавалось. Так длилось недѣли двѣ-три. Напряженіем воли я отдѣлался, в концѣ концов, от терзавших меня воспоминаній.

Послѣ отправки 18 декабря послѣдней партіи арестованных в Харбин, я оказался в одиночествѣ в своей клѣткѣ.

На ряду с тѣм, что в обществѣ, в каких бы то ни было условіях, время проходит быстрѣе и менѣе тоскливо, тяжело было видѣть, как под давленіем физическаго и моральнаго гнета, люди теряют обычную житейскую условность — регулятор нормальных взамоотношеній. Здѣсь люди с обнаженными звѣриными душами. Один за обѣщаніе свободы становится доносчиком на своих же товарищей, подводя их под пытки. Другой, пользуясь тѣм, что всѣ служебныя и житейскія перегородки разсыпались, держит себя вызывающе, готовый скандалом скоротать время.

АККУРАТНЫЙ ЧЕЛОВѢК

Не могу забыть аккуратности одного из моих компаньонов по клѣткѣ, которую он и здѣсь сохранял во всѣх мелочах. Вста ал ровно в семь, по гудку. Промыв г..аза отлитым наканунѣ в бутышку чаем, приводил в по-рядок постельныя принадлежности, затѣм себя, накладывая под рубашку на поясницу в нѣсколько раз сложенное полотенце.

— Для чего это? — как то спросил я его.

— Да если бить будут, все же легче!...

Затѣм долго, на восток, молился. Честно постился два раза в недѣлю. Не употребляя в эти дни молока, он не дѣлился однако им со своими коллегами, лишенными передачи, а вымѣнивал на него сахар. Мѣсяца через полтора он вышел на свободу и уѣхал на копи с собранным запасом сахару...

РАЗОЧАРОВАНІЕ В ЯПОНЦАХ

Все мною переживаемое не вязалось с общим представленіем об Японіи и японцах. Всем иностранцам, обычно, кажется (да и мнѣ казалось раньше), Японія страной картинкой, с журчащими ручейками, маленькими рощами, с цвѣтущими вишнями, вокруг которых так радостно и торжественно в живописных кимоно празднует наступленіе весны народ с поэтической душой, отличающійся деликатностью и почтительностью не только с

иностранцами и посторонними, но и в обычной повседневной жизни членами одной и той же семьи.

Мнѣ казалось, что эта молодая нація, недавно попавшая в круг европейских интересов, старается соревноваться не только техническими достиженіями, но и духовными цѣнностями, прививая мужскому молодому поколѣнію понятіе благороднаго рыцаря — самурая.

Заграницей иностранцы привыкли видеть японцев в безукоризненных костюмах или в скромных военных мундирах, привѣтливых, воспитанных, всѣм интересующихся, бѣгло говорящих на европейских языках.

Почему же здѣсь, в Маньчжуріи, мы видим японцев в такой страшной роли палачей? Вскружилась ли голова у завоевателей, или же отбросы русской эмиграціи, оказавшіеся на службѣ у японцев, сводя личные счеты, испросили разрѣшеніе на истязанія и вызвали в японцах этим страшным видом избиваемых звѣрскіе инстинкты, и расовую ненависть к бѣлому? В самой Японіи японцы к иностранцам продолжают держать себя вполнѣ корректно.

В долгіе вечера одиночества в клѣткѣ, источником страданія являлись пѣсни японских часовых. Эти унылые тягучіе мотивы, напоминающіе заупокойные напѣвы православных молитв, сложившіеся тысячелѣтія назад в душѣ бѣднаго японскаго рыбака, возвращающагося к голодной семьѣ послѣ неудачнаго лова, на зыбкой шаландѣ, среди океанских туманов и мглы, сквозь долгіе го-

ды мук, пронесенныя из поколѣнія в поколѣніе, теперь распѣвались островитянином в европейском военном мундирѣ, защищающем интересы своей родины в холодной Маньчжуріи, и будили в нас тоскливое чувство.

Все вниманіе слѣдователей было теперь сосредоточено на Чи и Кутиковѣ.

СНОВА ДОПРОСЫ.

Нас вызывали изрѣдка. Допрашивали без битья, хотя и с угрозами.

— Как вы увязывали свою работу с Кислым?—спрашивает меня Майшев, в один из таких допросов.

Отвѣчаю, что видѣл этого служащаго К. В. ж. д. на маскарадѣ в собраніи единственный раз, и даже не разговаривал с ним.

— Смотрите, отношенія к вам могут измѣниться! угрожающе предупреждает Майшев.

— Эх, плохо кончите вы! — добавляет Рычков. Мустафинов закусывает губы и впивается в меня злыми глазами, готовый броситься.

— Разскажите, как вы разлагали эмиграцію?—продолжает спрашивать Майшев.

— Не занимался такими дѣлами, достаточно было работы по службѣ. В свободное время читал, гулял — отвѣчаю я и добавляю, что РНО, надѣюсь, даст свое

заключеніе о моем непричастности к разложенію эмиграціи.

— Как раз это и является заключеніем РНО! — отвѣчает Майшев.

Не могу не отмѣтить один своеобразный разговор — допрос.

Вызвал меня как то Рычков по незначительному дополнительному вопросу. Настроен он был спокойно и предрасположен разговаривать.

— Какого вы там чорта задумали устраивать возстаніе?—спрашивает он меня.

— Если когда либо мы с вами встрѣтимся на свободѣ, я вам про это возстаніе разскажу—отвѣчаю я.

— Но навряд ли мы с вами встрѣтимся — отвѣчает Рычков. Мнѣ здѣсь в борьбѣ с большевиками головы долго не сносить. Да и ваша голова качается: не извѣстно, чѣм закончите...

Начинаю говорить, что никакого участія в подготовкѣ возстанія не принимал.

— Но все равно, вы большевик!—заявляет он. Начинаю осторожно доказывать, что большевиком быть не могу.

— А может быть, и не большевик, — задумчиво соглащается Рычков, — уж масон обязательно!

Рѣшаюсь и против этого возразить.

— Но с этим то я уж не соглашуюсь! Вы масон! Мой друг попал под вліяніе масонов, так они его заставляли думать на разсгояніи по своему. Может быть' вы хотите сейчас меня подчинить своему вліянію и заставить думать по своему?

На этом разговор закончился. На прощаніе Рычков дал мнѣ яблоко.

НА НОВЫЙ 1935 ГОД.

31 декабря 1934 год. Японцы очищают подвал: четырех китайцев, задержанных по подозрѣнію в хунхузничествѣ, вывели в полдень и закололи штыками. Пятаго китайца выводили в качествѣ зрителя, и затѣм вовзратили трясущагося в клѣтку, гдѣ сидѣл Брусіенко·

Вечер. Наступает Но ый Год. Какая иронія судьбы! 1933 год я встрѣчал в Помяньтунской тюрьмѣ у старо-гиринцев; наканунѣ 1934 года я был выпущен из Пограничснскаго зак юченія. И теперь, 1935 год встрѣчаю снова и заключеніи... За что? В эти страшные годы лихолѣтія русскіе губят друг друга во имя каких то навязчивых мыслей.

Симпатичный Кутиков упросил часового передать мнѣ часть полученных им фруктов, конфект. Этим было отмѣчено наступленіе Нового Года. Мысли невольно переносились к своим близким, с тревогой слѣдившими за нашей участью.

Тоска сжимала сердце при видѣ закопченных черных стѣн клѣтки, на которых я черточками отмѣчал просиженные мрачные дни.

В это время на копях, в Собраніи шумно встрѣчали Но ый Год. Гросман был со своим окруженіем.

— Наше счастье, что всѣ „они“ в заключеніи, иначе мы всѣ были бы перебиты и не встрѣчали бы здѣсь Новаго Года! — говорил в кругу своих друзей Гросман.

РАЗВЛЕЧЕНІЯ

Как я впослѣдствіе узнал, наши палачи разрѣшили нашим женам передавать нам сигареты, но почти ничего из них до нас не доходило. Не будучи страстным курильшиком, меня в этой обстановкѣ от потребности курить прямо мутило.

Почувствовав табачный дым, просящими глазами, против собственнаго желанія начинал я слѣдить за часовым. Иной, сжалившись, совал через рѣшетку окурок. Какая это была радость!...

Вторым развлеченіем была уборка корридора. Если удавалось на это выпросить разрѣшеніе часового, с удовольствіем брался за метелку и совок и старался продлить это незатѣйливое дѣло. Это давало возможность взглянуть на своих товарищей по несчастью, иногда, при выбрасываніи мусора, из ящика выгащить нѣсколько окурков и подѣлиться с заключенными.

Иногда попадалась смѣна из часовых-служебистов, не выходящих ни на минуту из корридора подвала. Тогда в теченіе всего дня не удавалось перекинуться ни единым словом. Клѣтка, стѣны и страшныя мысли.

Наступили Святки. Нас совершенно забыли: не вызывали на допросы, не пополняли клѣтки новыми арестованными. Парашу выносили в три-четыре дня раз.

ИНЖ. Ю. А. БЛАЖЕВИЧ.

Нельзя не отмѣтить исключительности характера Ю. А. Блажевича, который безропотно нес свой страшный крест в этой темницѣ, всегда ровный, всегда старавшійся казаться бодрым и стремившійся поддерживать эту бодрость и среди нас.

Его стараго, русскаго инженера, 52-х лѣтняго пожилого, болѣзненнато человѣка, бросали на пол, били палками, вливали в нос воду, требуя признанія в организаціи предполагаемаго возстанія. Когда, не выдержав пыток, Блажевич стал подтверждать все диктуемое, то всю вину в этом дѣлѣ насколько было возможно, брал только на себя, стремясь всѣх выручить.

Вот отрывок из нелѣпаго допроса Блажевича:

— Почему же вам не удалось поднять возстаніе? — спрашивают его.

— Да потому, что денег не хватило...

— Сколько же требовалось денег? — задают вопрос

— Всего требовалось 15,000 гоби, в кассѣ было всего 6,000, необходимо было еще 9.000, но Скиде ьскіе не перевели, и поэтому возстаніе несостоялось.

— Что же вы так мало запросили? — слѣдует вопрос.

— Стремился поэкономнѣе это сдѣлать, хозяйская жилка заговорила! — поясняет Блажевич.

Доведенный до полупомѣшательства Брусіенко сидѣл в клѣткѣ с закованным китайцем. Брусіенко цѣлыми днями просиживал на корточках у рѣшетки, пугливыми глазами слѣдя за всяким входящим полицейским.

БЫТОВОЕ.

Смѣшное в страшном. Во время одного из допросов на копях, вызвали десятника Стукова, бодраго еще старика, лѣт 80-ти. Лишь вышел он из дому, нагнала его дочка:

— Папа там вышибают зубы, а твои золотые стоят 300 долларов! заявила она и при помощи щепки вытащила изо рта старика вставные зубы. Явился на допрос беззубый, шамкающій старик. Отпустили...

В долгіе часы моего одиночества в темной мрачной клѣткѣ, не мало было передумано мыслей. Вспомнилось мнѣ издѣвательское отношеніе Харбинской прессы и

Лигѣ Націй, послѣ выхода оттуда Японіи. А мнѣ кажется, что Лига Націй, пока еще не достаточно оформленный символ международной совѣсти, в будущей исторіи народов будет играть большую роль. Как то трудно себѣ представить страшную средневѣковую расправу с невинными жертвами — иностравцами в государствѣ, состоящем членом Лиги Націй... Японія должна была выйти из Лиги Націй.

ДОБРЫЯ ДУШИ.

Если в это страшное время нашего подвального сидѣнія мы имѣли ежедневную передачу пищи, свѣжаго бѣлья, — то этим мы были обязаны святой для нас заключенных женщинѣ Аннѣ П. Брусіенко, которая оставив на копях маленьких дѣтей, послѣ ареста мужа выѣхала на Пограничную и взяла на себя хлопоты по облегченію нашей участи.

Она добивалась передачи нам молока, иногда фруктов, снабжала нас одеждей взамѣн истрепанной. Часамн простаивала на морозѣ, чтобы увидѣть нас, идущих на допрос, на пытки или гуськом несущих параши. Ее ободряющій знак рукой вносил в наши смятенныя души нѣкоторое успокоеніе. Увидѣв нас, она писала нашим близким успокаивающія письма.

Никто из заключенных никогда не забудет фигуру этой маячащей у штаба высохшей, но не сломленной от горя женщины, посвятившей всѣ свои интересы облегченію нашей страшной участи, не без риска для себя.

Вѣрной помощницей А. П. Брусіенко, в дѣлѣ облегченія положенія томящихся в подвалѣ, была дочь П. С. Малаховскаго, Лиза, молодая дѣвушка — студентка. Оставив занятія, не слушая никаких уговоров близких предолжать учиться, она прибыла в Пограничную до 18 декабря, и выѣхала в Харбин одновременно с партіей арестованных, в которой находился ее отец. Арестованные и в пути оставались в центрѣ ее вниманія. В Харбинѣ ею тотчас же была организована передача пищи в тюрьму. Здѣсь она с 4-5 часов утра выстаивала с женами арестованных в очереди с передачами.

Милѣйшая дѣвушка в началѣ своей сознательной жизни столкнулась со страшными испытаніями, с примѣрами человѣческой подлости. При всем этом она проявила столько терпѣнія, настойчивости и милосердія.

Среди этого ужаснаго средневѣкового озвѣренія, нашлась в станѣ японцев добрая душа. Это казначей совѣтника на копях, Мацяо. Лишь только нас арестовали, он окружил нас исключительным вниманіем, успокаивал, утѣшал.

Помимо той массы продуктов, которые передавали нам наш жены, до отправки нас в Пограничную, Мацяо от себя посылал нам булки, консервы, приносил нам лично печеніе, какао, мед. При посадкѣ в поѣзд в 5 часов утра, он был в числѣ друзей—провожающих. На прощаніе Семенову всунул в руку деньги. Облегчал участь оставшихся жен, помогал ликвидировать имущество.

Пріѣзжая на Пограничную на свиданіе с Семеновым, передал из дому посылку с бѣльем.

26 января 1935 года, нас, за исключеніем Кутикова и переведеннаго куда то Чи, повели в канцелярію штаба подписывать снятыя в нѣсколькихъ экземплярах наши пресловутыя показанія.

Было очевидно, что нас скоро отправят в Харбин.

Один из наших товарищей по несчастью, ранѣе отправленный в Харбинскую тюрьму, скромный, молчаливый юноша Озырянскій, при подписаніи показаній наканунѣ отправки в Харбин. написал, что от всѣх данных им показаній отказывается. Сколько его ни запугивали страшными послѣдствіями—он остался не своем.

При подписаніи нами показаній, слѣдователи — палачи внимательно слѣдили за учиненіем подписей.

27 января часа в три ночи нас подняли, отвели в штаб, выдали отнятыя, при помѣщеніи в подвал вещи в вагон.

При посадкѣ в вагон я увидѣл спускающагося с терасы на платформу Хохлова. Лицо сіяло важностью и удовлетвореніем.

И здѣсь, наша милѣйшая Анна Присковна Брусіенко пришла нам на помощь. Оказывается у каждого поѣзда, с 5 часов утра она дежурила на станціи, на случай вне-

запной отправки нас. Через пять минут она передала нам обильную закуску, кипяток и чай на дорогу.

Перед отходом поѣзда на нас одѣли кандалы-наручники. Поѣзд тронулся. Перекрестились. Что то еще ждет нас впереди?

Под'ѣхали к Мулину. Через наше отдѣленіе прошел к Шепунову бывшій врач Плѣшков, игравшій какую то роль в РНО. Прослужил он с нами лѣт пять, в 1934 году был уволен из за полной несостоятельности, как врач. Торжествующій Плѣшков вышел. посмотрѣл на нас, подмигнул и запѣл:

— Тра — ля—ля...

Через минуту Плѣшков возвращался. Опять подмигнул и опять запѣл. Разрѣшеніе на проход через арестанское отдѣленіе постороннему лицу, Плѣшкову, видимо дано было Шепуновым. с цѣлью усугубить наше и без того тяжелое положеніе.

Это было послѣднее издѣвательство над нами чинов Пограничeнскаго полицейскаго отряда.

ВСТРѢЧА С САМИМ СОБОЙ.

В поѣздѣ я получил разрѣшеніе пройти в уборную. Взглянул в зеркало — оттуда смотрѣло на меня одутловатое, грязное, измученное лицо, обросшее сѣдой бородой и безпорядочными космами волос на головѣ. Грязный, истрепанный, почти четырех-мѣсячным сиде-

ніем в подвалѣ, пиджак. Кандалы на ~уках дополняли мой страшный вид. Из глаз невольно покатились слезы...

Всю дорогу за стѣной раздавался громкій говор, женскій смѣх. То сопровождающіе нас Шепунов и Меликов галантно развлекали даму.

5 часов вечера. Поѣзд останавливается на ст. Хандаохецзы. Спать не могу — мѣшают кандалы и мрачныя мысли. Томительно тянется ночь.

РАЗГОВОР С ШЕПУНОВЫМ

— Что вы не спите. — спрашивает проходящій ночью Шепунов. Завязывается немного странный разговор между начальником команды и арестантом.

— Вы особенно не унывайте! — утѣшает меня Шепунов, только смотрите упаси вас Бог, не отказывайтесь от показаній! Подтверждайте все честно на судѣ. Искренность вас спасет...

Долго еще уговаривает, угрожая повтореньем пыток, не отказываться от подписанных показаній.

Дальше Шепунов, приняв галантную позу кавалериста, начинает говорить о себѣ:

— Я. видите ли, не больше, как строевой офицер, но прекрасно разбираюсь в столь сложной политической обстановкѣ.

— Я иду по улицѣ в Пограничной, слышу мальчик играет на губной гармоніи. Я сразу понимаю в чем

дѣло: это он предупреждает собравшійся «пяток», чтобы они прекратили свое конспиративное засѣданіе и начали пить чай, т. к. я могу нагрянуть.

— Или бѣжит мальчик и проводит по забору палкой, получается треск—это тоже предупредительный сигнал. Или же, в какой либо из квартир желѣзнодорожника пять дней висят желтыя занавѣски, а затѣм — зеленыя. Это условные сигналы по конспиративной политической работѣ.

— А вы знаете, как идеально ведут полицейскую работу японцы? Однажды, начальник юридическаго отдѣла заявляет мнѣ, что необходимо арестовать начальника станціи Пограничная Катыля, но так, чтобы он этого не знал. Я долго думал, но не мог догадаться, как это сдѣлать.

— На слѣдующій день начальник юридическаго отдѣла пошел со мной к Катылю. Зашли, посидѣли, попросили чаю, послушали виктролу и, попрощавшись ушли.

На слѣдующій день мы снова пошли к Катылю. Он начал нас мило принимать, но мы объявили ему, что он арестован. Арестовали и отправили затѣм в Харбин!

Этот способ ареста чрезвычайно почему то восхищал Шепунова.

Долго дѣлился со мной Шепунов своими бредовыми мыслями и наблюденіямн маніака, жалкаго Шерлока

Холмса, изображающаго из себя какого то полицейскаго генія.

Больной, ненормальный человѣк, получившій в это анархическое время в Маньчжуріи от новых хозяев-японцев страшное право расправляться с русскими невинными, жалкими, такими же как и он сам эмигрантами!

ХАРБИН

Но вот и Харбин. Пассажиры вышли из вагонов. Освѣщенный вокзал, куда я раньше пріѣзжал оживленным, радостным, встрѣчаемый сыновьями — в отпуск, отдохнуть, развлечься.

На платформѣ различаю близких: сыновей, невѣстку, знакомых. Это Анна Присковна дала знать телеграммой о нашем пріѣздѣ.

Меликов всѣм встрѣчающим велит уйти с платформы. Тѣм не менѣе, нас видѣли из окна вокзала. Подъѣхала машина, нас усадили и доставили в арестное помѣщеніе при Управленіи Главноначальствующаго.

Вечером, в числѣ послѣдних новостей, Харбинское радіо сообщало о доставкѣ нас, страшных преступников в Харбин.

Японская газета «ХАРБИНСКОЕ ВРЕМЯ» (№ 25, 29-1.) писала:

—«Со станціи Пограничная в Харбин под усиленным конвоем чинов Пограничной охраны

доставлены служащіе Мулинских копей, арестованные за вредительство и связь с преступными элементами на Восточной линіи.

Среди арестованных управляющій копями инженер Блажевич, его помощник Н. И. Брусіенко, Гинх, Олейников, Ду и Ху.

Всѣ они под охраной доставлены в Управленіе желѣзно-дорожной полиціи и там заключены под стражу.

Всѣ заключенные—их 24 человѣка, сознались в предъявленном им обвиненіи. Слѣдствіе еще не закончено и ведется Пограничным отрядом и послѣ окончанія слѣдствія вредители будут преданы суду.

Один из главных вредителей — Мулакевич бѣжал в СССР.—

***

В Управленіи Главноначальствующего нас сдали дежурному надзирателю В. Н. Невѣровскому. Крикливый, но милый человѣк. Разрѣшил нам постричься, вымыться. Через час мы лежали в чистой теплой камерѣ на нарах, переодѣтые в свѣжее бѣлье, ободренные человѣческим к нам отношеніем.

СЛУЖАЩІЕ К. В. Ж. Д.

Всѣ камеры были набиты арестованными, главным образом, служащими К.В.ж.д. Они нас снабдили сигаре-

тами, сахаром, хлѣбом. Казенная пища—вареный гаолян и кукурузныя пампушки.

На слѣдующій день нас размѣстили по различным камерам. Я оказался в восьмой. Моими товарищами по заключенію оказались: запасный агент И. П. Дружилин, письмоводитель ст. Пограничная П. К. Столов, братья Колотиловы и юноша Женя (фамилію забыл). Всѣ—желѣзнодорожники, арестованные в связи с оборвавшимися переговорами о продажѣ К. В. ж. д., у всѣх обвиненія одни и тѣ же: — подготовка возстанія, доставка динамита. Всѣ показанія от них добыты страшными пытками. Всѣ виды пыток, до неприличных, были продѣланы над Дружилиным.

Разговоры с новыми знакомыми вертятся вокруг перенесенных пыток. Столов показывает раздавленную между пальцами кожу — результат пыток невинным орудіем — карандашом. Между пальцами вставляются карандаши и крѣпко сдавливается кисть руки.

Разсказывают—гдѣ и как бьют. Страшно избивают в Желѣзнодорожном сыскном отдѣленіи особым набором палок: желѣзных, деревянных, резиновых. Во время допроса в этом учрежденіи забили до смерти желѣзнодорожника Асачука.

На слѣдующій день освободили братьев Колотиловых. Один из них через сутки умер от разрыва сердца. Сказалось пребываніе в теченіе нѣсколькихъ мѣсяцев без воздуха и дневного свѣта.

Слѣдствіе ведут четверо русских надзирателей: Піотровскій, Ульянов, Горошкевич и еще какой то, фамилію которого не помню. Первые два бьют допрашиваемых: Піотровскій часто в пьяном видѣ бьет жертву ногами, преимущественно в живот, Ульянов бамбуком, пытает водой, карандашами и проч.

В ТЮРЬМѢ.

Через нѣсколько дней нас вызвали, надѣли наручники и отвезли в Харбинскую тюрьму.

Тщательный обыск, регистрація и отправка в камеру № 7. Открыли массивную дверь и впустили нас в камеру.

Вдоль стѣны стоят построившіеся арестанты. Помощник начальника тюрьмы раздает нѣкоторым арестантам обвинительные акты. Я испуганными глазами провожу по шеренгѣ, и вижу знакомыя лица — старшаго счетовода Семенова, конторщика Хайновскаго, приказчика кооператива Бочкарева (младшаго) и нѣкоторых желѣзнодорожников, сидѣвших со мной в Пограниченском подвалѣ.

Помощник начальника тюрьмы ушел. Поднимается невѣроятный шум, гомон.

Мой добрый сослуживец Хайновскій проявил обычную в его характерѣ внимательность: устроил мнѣ мѣсто на нарах, ознакомил с условіями, ободрил, накормил остатками своих запасов.

Всего в камерѣ 27 человѣк, из которых 12 уголовные, остальные политическіе. Камера большая, большая часть не занята нарами. Два стола, нѣсколько скамей, вѣшалка,полочка для полотенец, параша, ведро, швабра, два окна, затемненные козырьками снизу. В углу — икона: Христос в терновом вѣнкѣ.

В 6 часов вечера повѣрка. К выстроившимся арестантам входит в камеру помощник начальника тюрьмы Зиммеринг, в сопровожденіи надзирателей, и скрипучим голосом здоровается:

— Здравствуйте.

— Здравія желаем, — довольно стройно отвѣчают арестанты. Надзиратели деревянными молоточками провѣряют прочность рѣшеток в окнах и осматривают кандалы у кандальников.

Зиммеринг всегда ровный, выдержанный, тактичный, записывает заявленія и просьбы арестантов.

Повѣрка окончена. Начинается чаепитіе, разговоры разбившихся на группы арестантов, иногда приготовленія «пульвера» - приспособленія для зажиганія папирос, иногда куреніе, возведенное в какую то мистерію. Арестованные послѣ повѣрки чувствуют себя болѣе свободно: ключи от дверей сданы в контору и очень рѣдко оттуда требуются.

В 8 часов пронзительный колокол призывает ложиться спать. Через 10 минут всѣ должны быть на нарах. Час разрѣшается читать. В 9 часов всѣ должны спать.

В 6 часов утра опять тот же колокол будит вставать. Через 1/4 часа повѣрка, затѣм чай. Послѣ 11-ти обѣд: суп и каша. Послѣ обѣда мертвый час. Минут 15-20-прогулка по двору.

В тюрьмѣ с опредѣленным распорядком, системой, с книгами, с возможностью обмѣняться мыслями, послѣ Пограничeнского подвала, я стал понемногу оживать. Прошел, как новичек, всѣ необходимыя инстанціи: больницу, баню, прачешную, фотографированіе и регистрацію в конторѣ.

Досугов арестантских много. Заполняю их чтеніем. Библіотека прекрасная. Масса дорогих книг популярно-энциклопедическаго содержанія. Составлена она из пожертвованных книг и из пріобрѣтенных на средства арестованных.

Только здѣсь в тюрьмѣ, понимаешь, что такое воля, и острая тоска по ней. Какое жуткое чувство охватывало нас от случайно долетавших звуков музыки с расположеннаго рядом с тюрьмой катка. Какое щемящее чувство тоски вызывало проявленіе ранней весны. С каким затаенным вниманіем прислушивались мы к разсказам новичков о том, что творится на волѣ, что говорят об«амнистіях». Арестанты страстно ждали амнистіи, в связи с предполагавшимся введеніем новых законов — до сих пор в Маньчжу-го пользуются прежним китайским уголовным кодексом.

По воскресеньям мы получали передачу. Наши жены, измученныя выпавшим несчастьем, с 4 часов

утра становились в очередь с передачами. Эти передачи, носившія отпечатокъ вниманія нашихъ спутницъ жизни къ нашимъ вкусамъ, вызывали и умиленіе, и желаніе, чтобы скорѣе мы были забыты и сравнялись съ сѣрой массой несчастныхъ арестантовъ.

В концѣ февраля былъ освобожденъ Блажевичъ, помѣщенный по прибытіи въ тюрьму, въ больницу. Это было для насъ хорошимъ признакомъ: вѣдь онъ былъ однимъ изъ главныхъ «преступниковъ» въ спровоцированномъ русскими чинами Пограничснскаго полицейскаго отряда процессѣ.

Какъ то вызвали меня на свиданіе. Былъ моментъ, когда я едва не отказался отъ этого, не все же пошелъ и остался доволенъ, увидѣлъ жену и сыновей бодро настроенныхъ. Обстановка свиданія мрачная, черезъ двѣ густыя сѣтки, въ присутствіи слѣдящаго за разговоромъ помощника.

ЖЕРТВА ГЕРОИНА

Знакомлюсь съ уголовнымъ элементомъ, съ которымъ свела меня судьба...

Вотъ ловкій на видъ Митрюхинъ. Техникъ по спеціальности. Уроженецъ Владивостока. Знаетъ все русское дальневосточное побережье. Былъ въ Ханоѣ, на Филипинахъ. По профессіи воръ — городушникъ. Что довело его до жизни такой? — Оказывается—героинъ. Вслѣдъ за занятіемъ японцами Маньчжуріи, поползла изъ Японіи различная спекулятивная накипь: содержатели увеселительныхъ домовъ, торговцы наркотиками. Харбинъ покрылся ря-

дом японских аптек, торгующих почти исключительно наркотиками, среди которых занял первое мѣсто дешевый яд — героин, получившій вскорѣ среди харбинской молодежи, преимущественно учащейся, широкое распространеніе. Этому злу удѣлялось много вниманія русскими харбинскими газетами, но безполезно: японскіе полицейскіе получают от этих аптек взятки и смотрят на продажу сквозь пальцы, русских же и китайских полицейских из японских аптек попросту выгоняют, выталкивают в шею.

Так губится русская молодежь японцами. С китайцами вопрос обстоит гораздо проще. С занятіем Маньчжуріи, японцы разрѣшили эксплоатацію маковых полей, изготовленіе опія и офиціальное открытіе опіекурилок. Это при наличіи строжайшаго запрещенія торговлей опіумом до прихода японцев. Теперь китайцы, расположенные ко всяким наркотикам, курят в Маньчжуріи сплошь, не боясь никаких преслѣдованій.

ДѢЛО КАСПЕ.

В 1933 году произошло нашумѣвшее убійство піаниста Каспе, сына извѣстнаго харбинскаго богача—коммерсанта, французскаго гражданина, похищеннаго с цѣлью выкупа.

В нашей камерѣ сидит участник этого дѣла, Пантелеймон Безручко. Спокоен, спит постоянно, полнѣет. Разсказывает нам исторію этого дѣла. Каспе был похищен шайкой русских преступников, в которую вошли

агенты сыска и представители одной современной русской политической партіи.

Послѣ похищенія предложили отцу Каспе внести выкуп в 300,000 го-би (долларов) в предположеніи раздѣлить эти деньги таким образом: 50,000 иниціаторам этаго дѣла, 50,000 агентам сыска за сокрытіе и 200,000 на нужды партіи. Не дождавшись окончанія затянувшихся переговоров о выкупѣ, Каспе убили.

Безручко за свою судьбу совершенно спокоен. Он почему то был совершенно увѣрен, что японцы, считая это дѣло, вызванное патріотическим движеніем, — его оправдают.

По выходѣ же из тюрьмы, я нашел подтвержденіе слов Безручки. В « Харбинском Времени» была помѣщена замѣтка какого то виднаго японца, в которой заявлялось, что послѣ ознакомленія со всѣм дѣлом Каспе, можно прійдти к заключенію, что участники его являются большими патріотами.

РАЗВЛЕЧЕНІЯ

Одним из тюремных развеченій являлось качаніе воды в бак.

— Четыре человѣка воду качать! — раздавалась команда дежурнаго надзирателя. — Только не политическіе!

Очень часто выходил на эту работу и я, заявляя дежурному на вопросительный взгляд, что я уголовный, «по городухѣ»... (кража при покупкѣ в магазинах.)

Качаніе воды давало возможность провести в движеніи часа полтора, послушать сплетни и слухи, поговорить с баньщиком Шемелиным и слесарем, дядей Ваней, старым 72-х лѣтним арестантом — «мокрушником» (убійцей грабителем).

Шемелин по профессіи шоффер. Возвращался с семьей из гостей. На него напали двое. Одного из них, защищаясь, он убил кулаком. Присудили к 8-ми годам заключенія. Хотѣл аппелировать в Сенат, но аппеляція в Маньчжурских условіях является дѣлом рискованным.

На ст. Мулин проживал профессіонал- охотник Бурдинскій. Японцы чрезвычайно поощряли уничтоженіе хунхузов русскими охотниками, платя за каждую доставленную голову 25 го-би. Бурдинскій стал на этом, помимо охоты, зарабатывать. Однажды выяснилось, что он убил китайца не хунхуза. Родственники убитаго возбудили дѣло. Бурдинскаго присудили к 8-ми годам заключенія. Послѣ аппеляціи Бурдинским, Сенат присудил его к пожизненному заключенію.

Бурдинскій исполнял обязанности тюремного парикмахера. Тяжело было видѣть его переживанія послѣ приговора Сената.

* * *

Постепенно втягиваюсь в арестанскіе будни. Поймана первая вошь. Начинаю разбираться в жаргонѣ,

знаю, как избѣжать глупаго положенія при арестантских шутках.

При знакомствѣ с вором Гинтовтом узнаю его жуткую жизнь, сплошь из тюремных отсидок, начиная с 9-ти лѣтняго возраста, и мелких удач.

Он вор по профессіи — убѣжденный и закоренѣлый.

Во время одной из ссор, один из арестантов, Семенов, назал Гинтовта вором.

— Вот хотѣл чѣм меня поразить! — расхохотался Гинтовт.—Да вѣдь это мой кусок хлѣба.

Ко мнѣ он относился хорошо. В моменты моего мрачного настроенія, старался успокоить меня своей арестантской философіей. Он разсказывал, что видѣл во многих тюрьмах выцарапанныя на дверях надписи: «Приходяшій не унывай, уходящій не радуйся»...

— Не унывайте, все проходит и вы будете на волѣ!—говорил он мнѣ.

ПРОКУРОР ОСВОБОДИЛ...

20 марта прокурор вызвал меня на допрос. Послѣ вопросов о моей фамиліи, о полученіи передач и писем от жены, задал вопрос принимал ли я участіе в нападеніи на копи.

— Никакого нападенія на копи не было и быть не могло, участвовать в нападеніи я не собирался, т. к. странно нападать на поселок, в котором живешь!— отвѣчал я.

На вопрос, почему же я дал показаніе об участіи в подготовкѣ возстанія, в нѣсколькихъ словах я разсказал о системѣ допросов в Пограничeнском полицейском отрядѣ и о пытках, примѣняемых там.

27 марта я был вызван в тюремную контору, гдѣ мнѣ заявили, что я освобожден. На вопрос, на каком основаніи меня освобождают, Зимеринг мнѣ отвѣтил, что за отсутствіем улик.

Через полчаса я в кругу изстрадавшейся семьи. Через три дня всѣ мои арестованные сослуживцы также были на свободѣ.

МОИ ЗНАКОМЦЫ

Что представляет собой Пограничeскій полицейскій отряд, кто и как в нем допрашиввает?

Отряд этот подчинен непосредственно Министерству Внутренних дѣл Маньчжу-го.

Дѣлится он на два отдѣла: строевой и юридическій—функціи жандармскаго учрежденія.

Юридическій отдѣл состоит из начальника отдѣла—какого то мрачнаго вида японца с бородой и ряда полицейских чинов: японцев, русских, корейцев. Послѣдніе в роли драгоманов.

В порядкѣ производства допросов мнѣ приходилось сталкиваться со слѣдующими лицами:

СТАРШІЙ ДРАГОМАН ЯМАДА. Русскіе полицейскіе зовут его Сергѣем Борисовичем. Замѣститель на-

чальника юридическаго отдѣла. Жестокій, безсмысленный палач при допросах. Пользуется большим вѣсом в рѣшеніи судеб арестованных. При первом допросѣ прилично со мной разговаривал. Сказал, что он сам юрист, прекрасно разбирается в дѣлах, поэтому если я невиновен, мнѣ нечего бояться, скоро меня освободят. Я просил его распорядиться прекратить избіенія, он отвѣчал, что больше пальцем никого не тронут. Послѣ этого он сам бил меня смертным боем и ругал послѣдними словами.

Сопровождая нас в Харбин, прочел нам на прощаніе нравоученіе, смысл котораго сводился к тому, что «мы ѣдем чтобы понести заслуженное наказаніе».

ДРАГОМАЯ ЯМАДА (младщій). Маленькій, веселый японец. Просил арестованных называть его Иван Иванович. Послѣ страшнаго избіенія меня 9 ноября, в котором он старательно принимал участіе, с трудом оперируя дубиной, на утро пришел в подвал, весело справился о моем здоровьи и утѣщил тѣм, что меня бьют за мое «остроуміе».

— Христос был «остроумным.» Его за это били' вас тоже бьем за ваше «остроуміе».

Что он этим хотѣл сказать — неизвѣстно.

Вскорѣ он уѣхал в Японію. Наканунѣ зашел в подвал, весело пожелал арестованным всего хорошаго, дал десять іен на бѣдных заключенных.

Из Японіи он посылал дочери избиваемаго Маляхов-

экаго, с которой познакомился в штабѣ при передачѣ арестованным продуктов, открытки с видами.

ДРАГОМАН ХАСИВАДА. Коренастый японец, обладающій большой физической силой и широко ею пользующійся при допрсах. Совмѣщающій страшную жестокость с сентиментальностью. Во время одного из допросов (без битья) угошал меня кофе и узнав, что я скоро имянинник, разрѣшил доставить в этот день горячій обѣд. Приходил иногда вечерами в подвал поговорить с арестованными, угостить сигаретой.

Пришел в день Новаго Года, поздравил нас и сентиментально заявил:

— Я всегда думаю о несчастных, томящихся сдѣсь заключенных...

Мнѣ вспомнилась всунутая им мнѣ в рот горящая сигарета...

ДРАГОМАН БАЗАКИ (так он себя называл, в дѣйствительности у него другая фамилія) ничѣм не отличающійся, кромѣ жестокости в битьѣ.

Еще какой то немолодой японец-драгоман, никого не бившій, скромно себя державшій.

СТАРШІЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ Б. Н. ШЕПУНОВ. Кавалерійскій офнцер выпуска 1916 г. Елизаветградскаго военнаго училица. Служил в Дикой дивизіи. Принимал участіе в гражданской войнѣ. Попав в Маньчжурію, долгое время служил сторожем рисоочистительнаго за-

вода на ст. Хайлин. Во время событій в 1933 году, поступил в Хайлинѣ же на службу в японскій сыск, затѣм был назначен старщим полицейским в Пограничную. Очень ограниченный человѣк. Старается сохранять вид тоннаго жандармскаго ротмистра. Бьет рѣдко, но руководит допросами и дает распоряженіе избивать, Пользуясь со стороны японцев большим довѣріем— широко этим пользуется. Самовлюблен. Мѣстное населеніе с ироніей называет его «губернатором».

Далѣе идут младшіе русскіе полицейскіе.

И. А. ВОЩИЛО. На Германскую войну ушел 15-ти лѣтним мальчиком. Провел на фронтѣ Германскую и граждднскую войны. В 1920 году в Иркутскѣ отсиживался в Чека. Вырвался. Служил в отряда барона Унгерна, в Нечаевской бригадѣ на китайской службѣ. Садист. Избивает с видимым удовольствіем. По всей вѣроятности, наркоман.

Н. В. РЫЧКОВ. Сын генерала Рычкова, стоявшего во главѣ Эмигрантскаго Бюро в г. Харбинѣ; недоучившійся студент. Ограниченный человѣк, помѣшанный на борьбе с масонством и коммунизмом. Страшно избивает допрашиваемых.

— Что вы думаете, я шлущу из-за шалдатскаго шалованія? — шепелявя, поясняет он мнѣ, — я шлушу из за возможности бить большевиков!,.

В. Н. МУСТАФИНОБ. 25-ти лѣтній юноша. Сын священника. Всѣ три брата служат в полиціи. Бывщій шоффер. Тупой, малограмотный. Всѣ его обязанности

сводятся к разноскѣ корреспонденціи и к избіенію допрашиваемых. Располагая значительной силой, избивает жесточе всѣх. Заболѣв венерической болѣзнью он с недѣлю не появлялся в канцелирію. Всѣ арестованные вздохнули с облегченіем.

Н. В. МЕБИКОВ. Офицер военнаго времени. По образованію юрист. Видимо житейскія неудачи довели его до службы в отрядѣ. Одно время служил на К. В. ж. д. в Харбинѣ, преподавателем гимназіи. Не избивает, но издѣвается над своими жертвами колкостями, особой пренебрежительной манерой разговора. Не добившись от допрашиваемаго желательных результатов, передает для избіенія Вощило. На его обязанности лежит перлюстрація писем, поступающих на почту.

Н. И. МАЙШЕВ. Юноша лѣт 25-27. Недоучившійся студент. помѣщанный на то том, что служа в этом учрежденіи, помогает освобожденію Россіи. Не бьет, но издѣвается.

П. А. ДЕГТЕРЕВ. Скромный человѣк, типа писца, конторшика. Не бьет и не издѣвается.

В отрядѣ имѣется еще нѣсколько русских полицейских, несущих дежурства на вокзалѣ, по провѣркѣ паспортов. Один из них, Сомов, страшный пьяница и, как говорят, избивает арестованных жесточе Мустафинова.

Система допросов странная: допрашивамаго постепенно передают каждому полицейскому для допроса

Это дало нам возможность познакомиться со всеми полицейскими.

Матеріальчое положеніе чинов этого отряда таково: драгоманы японцы получают от 250 го-би в мѣсяц, Нижніе чины японцы свыше 100-го би. Русскіе нижніе чины, о которых сказано выше, получают: Шепунов-80-го-би, остальные по 60 в мѣсяц.

При допросах, как правило, русскіе полицейскіе заявляли нам, что служат «не из за солдатскаго жалованія», а из за стремленія помогать освобожденію Россіи.

В результатѣ этой страшной провокаціи, учиненной русскими чинами Пограничeнскаго отряда, состоящим из отбросов русской эмиграціи, преподаватель Щербо, послѣ пыток в Пограничной, доставленный в Харбинскую тюрьму, пытался дважды покончить жизнь самоубійством, а затѣм сошел с ума. В таком состояніи, послѣ освобожденія, был увезен женой снова в Пограничную, гдѣ он проживал.

Блажевич заболѣл в февралѣ 1935 года воспаленіем мозговой оболочки и в теченіе трех недѣль пробыл в состояніи психическаго разстройства, и лишь в маѣ пришел в себя и стал подыматься с постели.

Жена китайскаго управляющаго копями Ду Динфана, узнав об истязаніях мужа, повѣсилась.

Жена драгомана Цзин Юй-щена, русская, сошла с ума, узнав об избіеніях мужа.

Мать арестованнічх братьев Бочкаревых умерла от разрыва сердца.

Я вышел из тюрьмы больной ревматизмом, с сильным расширеніем сердца, от пыток водой и весь покрытый язвами.

Всѣ вышли из тюрьмы больными в большей или меньшей степени и с разбитыми жизнями.

ПРОКУРОР ОСВОБОДИЛ.

Арестованы были и освобождены в Харбинѣ из тюрьмы по распоряженію прокурора слѣдующія лица:

1. Управляющій копями Ю. А. Блажевич.
2. Управляющій копями Ду Дин — Фан.
3. Завѣдующій горным отдѣлом Н. И. Брусіенко.
4. Завѣдывающій горным отдѣлом Фу Чжин-юань.
5. Завѣдывающій бухгалтерским отдѣлом Н. С. Гинх.
6. Развѣдочный мастер А. И. Лаврушин.
7. Штейгер С. С. С. Воронин.
8. Начальник станціи П. С. Малаховскій.
9. Конторщик А. А. Хайновскій.
10. Поставщик лѣсных матеріалов Ли Шу-син.
11. Агент для порученій Т. Л. Лисовскій.
12. Переводчик Му Чжен-у.
13. Печник Пан Хо-Лян.
14. Старшій сторож Н. П. Балдин.
15. Старшій табельщик И. Ф. Бочкарев.
16. Старшій счетовод І. И. Семенов.
17. Приказчик Кооператива Г. Ф. Бочкарев.

18. Торговец А. А. Олейников.
19. Кочегар Д. И. Коренев.
20. Ученик мастерских Г. Круков.
21. Завѣдывающій хозяйством собранія Ф. В. Старновскій.
22. Лебедчик В. Военнов.
23. Е. Епифанов (постороннее лицо).
24. Приказчик Кооператива А. Н. Бутиков.
25. Кладовщик Д. Л. Озырянскій.
26. Старшій кондуктор И. И. ФИЛИППОВ.

Освобождены из Пограничeнскаго подвала послѣ избіенія и «сознанія» в подготовкѣ «возстанія»;

1. Горный десятник А. И. Горбунов.
2. Фельдшер В. Н. Майоров.
3. Стрѣлочник И. И. Лобис.
4. Дорожный мастер И. Ф. Степанов.
5. Табельщик А. П. Надточей.
6. Сторож Кооператива Суезов.
7. Управляющій дѣлами товарищества Чи Е-сан.

Освобождены на копях послѣ избіенія и сознанія:

1. Слесарь А. И. Андріевскій.
2. Электропроводчик А. Мейеров.
3. Драгоман Цзин Юй-шен.
4. Приказчик Кооператива В. Евтухов.
5. Ученик мастерских Р. Суезов.
6. Артельный староста К. Я. Синельников.
7. Старшій кондуктор В. И. Ефимов.

Освобожден послѣ вызова в Пограничную, избіенія и «признанія» старшій конторщик А. Н. Брудастов.

К моменту освобожденія всѣх, в Пограниченском подвалѣ оставался завѣдывающій секретарским отдѣлом Е. А. Кутиков.

За время нашей тюремной отсидки с Русским Національным Обществом на Мулинских копях (РНО) призошла нѣкоторая реорганизація. В Харбинѣ было создано Бюро Россійских Эмигрантов, участіе в котором для русских эмигрантов фактически является обязательным.

Всѣ отдѣленія Русскаго Національнаго Общества вошли в это Бюро в качествѣ его филіалов;

Руководителями отдѣленія этого Бюро на ст. Пограничная стали тѣ же извѣстныя нам лица:

Б. Н. Шепунов — начальником Отдѣленія Бюро.

Н. В. Меликов—Начальником канцеляріи Отдѣленія Бюро.

И. А. Вощило—Начальником 1-го отдѣленія Отдѣла Бюро.

Н. В. Рычков—Начальником 3-го Отдѣленія Отдѣла Бюро.

* * *

1 мая 1935 года Н. И. Брусіенко, подписавшій в Пограничной показанія о рядѣ совершенных преступленій, был назначен Управляющим Мулинскими копями. В началѣ мая пріѣхавшаго в Пограничную Брусіенко Шепунов чествовал ужином.

КАКОЙ ЖЕ СМЫСЛ ЭТИХ ДѢЛ?

Заканчивая свои записки, я невольно останавливаюсь на вопросѣ, какія цѣли преслѣдовали японскія власти Маньчжу-го, внося разгром в предпріятіе Мулинскаго Товарищества, столь жестокими и оказавшимися впослѣдствіи безсмысленными истязаніями и арестами и невинных людей?

Возможна в данном случаѣ попытка захвата одного из крупнѣйших в Маньчжуріи полуиностранных предпріятій. При наличіи декларированнаго заявленія правительства Маньчжу-го об открытых дверях и равных возможностях, со вложеніем иностраннаго капитала и труда, в промышленную жизнь Маньчжуріи, неудобно быть может, было національзировать предпріятіе путем правительственнаго распоряженія, или созданія неблаго пріятных условій для продолженія дѣятельности.

Остановились, возможно, на мысли предварительно скомпроментировать русских совладельцев путем созданія этого дѣла. Провести же мысль до конца не удалось из за поднятаго шума.

Второй варіант: русскіе чины Пограничeнскаго отряда стремясь доказать без лести преданность японцам, при участіи своего филіала на копях РНО, рѣшили показать свою «работу» раскрытіем «грандіознаго заговора». Страшными пытками были добыты нужныя показанія. Осенью 1934 года создались довольно натянутыя отношенія

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles
This book is DUE on the last date stamped below.

REC'D LD-URL
FEB 25 1983
REC'D LD-URL
MAR 04 1992
REC'D LD-URL
MAY 17 19

Form L9–30*m*-11,'58(8268s4)444

3 1158 00856 8379

DK
269
L56r